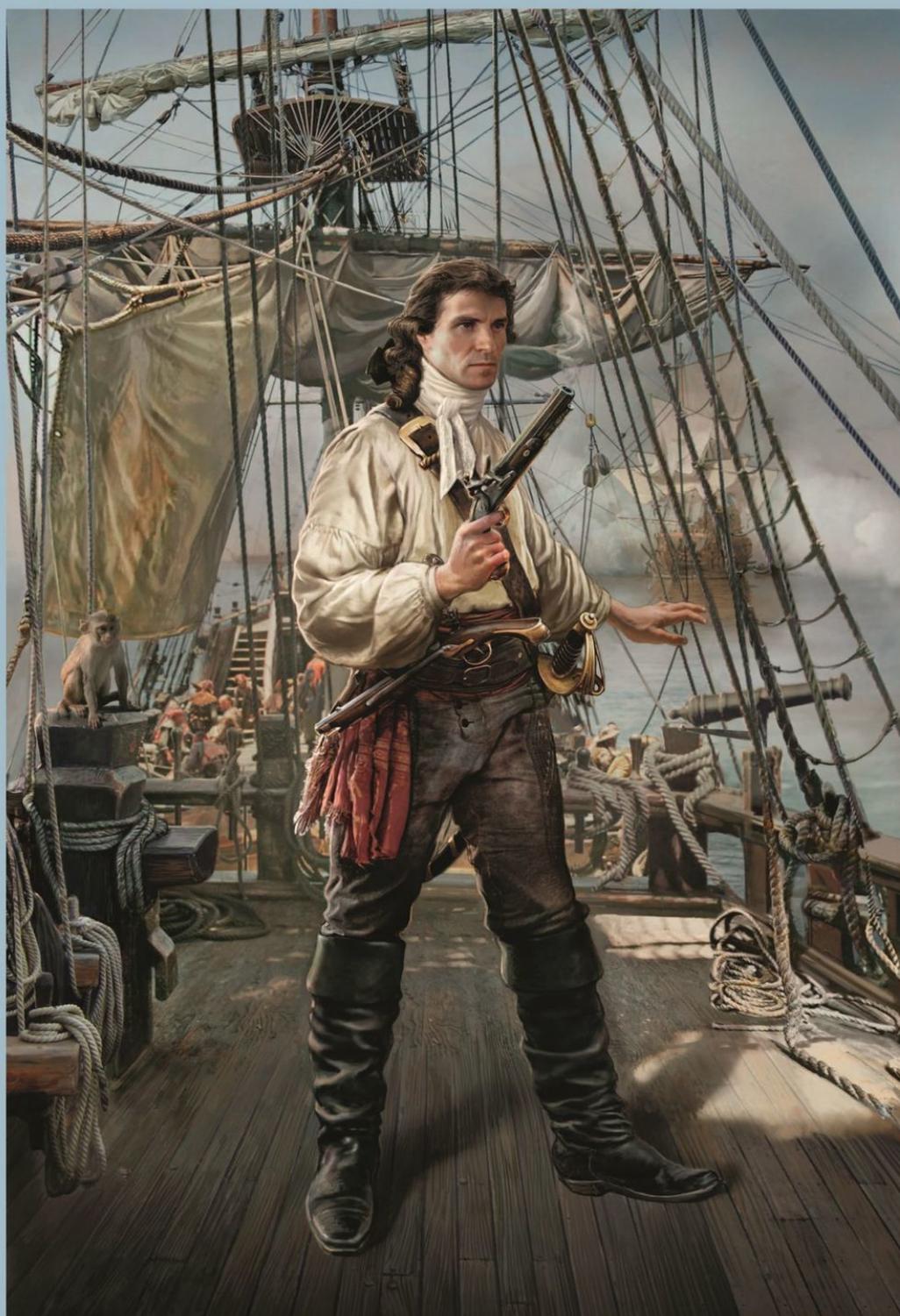

Р. А. Штильмарк

НАСЛЕДНИК ИЗ КАЛЬКУТТЫ

Роберт Штильмарк
Наследник из Калькутты

Издательство "Руда"

1958

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Штильмарк Р. А.

Наследник из Калькутты / Р. А. Штильмарк — Издательство
"Руда", 1958

ISBN 978-5-6040759-2-0

Действие приключенческого романа разворачивается в XVIII веке. Пиратское судно под командованием капитана Бернардито захватывает в Индийском океане Фредрика Райленда, наследника виконтского титула Ченсфилд, который едет в Англию из Калькутты, и его невесту Эмили Гарди. После кораблекрушения капитан Бернардито и Райленд оказываются на необитаемом острове, а Джакомо Грелли, помощник Бернардито, присваивает документы Райленда и под его именем отправляется в Англию. Дальнейшее действие переносится из одной страны в другую: Англия, Италия, Испания, Африка, Северная Америка. Сменяются персонажи: английские луддиты, итальянские иезуиты, испанские инквизиторы, пираты, работоторговцы, африканские негры и американские индейцы... В борьбе с кознями врагов и в стремлении к восстановлению справедливости герои становятся участниками невероятных приключений. Фантастическое переплетение сюжетных линий и почти детективные ходы, схватки на суше и на море не смогут оставить читателя равнодушным. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-6040759-2-0

© Штильмарк Р. А., 1958
© Издательство "Руда", 1958

Содержание

Вступление	7
Часть I	16
Глава первая	16
Глава вторая	36
Глава третья	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Роберт Александрович Штильмарк

Наследник из Калькутты

© Р. А. Штильмарк, наследники, 2018

© Издательство «Руда», 2018

Вступление

Джентльмен и слуга

Горькая услада воспоминаний...
Альфред де Мюссе

Два человека осторожно шли каменистой тропой к небольшой бухте между скалами. Высокий горбоносый джентльмен в темно-зеленом плаще и треугольной шляпе шагал впереди. Из-под шляпы блестела серебром косица парика, туго перехваченная черной лентой, чтобы не растрепал ветер. Морские сапоги с поднятыми отворотами не мешали упругой поступи человека. Эту походку вырабатывал не паркет гостиных, а шаткий настил корабельной палубы.

С путник человека в плаще, красивый юноша в кафтане грума, нес за ним подзорную трубу в черном футляре и охотничье ружье. Ствол ружья был из лучшей стали – «букетного дамаска»; гладко отполированный приклад украшали перламутровые инкрустации. Ремня и даже ременных ушек – антабок – у этого ружья не имелось: владельцу не было нужды таскать свое охотничье снаряжение на собственных плечах – он не выходил на охоту без оруженосца.

Полукружие открытой бухты окаймляли серые гранитные утесы. Рыбаки прозвали ее бухтой Старого Короля: зубчатая вершина срединного утеса напоминала корону. Над серо-зеленой, пахнущей йодом водой низко носились чайки. Утро выдалось пасмурное, накрапывал дождь. Летом такая погода была обычной здесь, в северной Англии, на побережье Ирландского моря.

Первый выстрел отозвался эхом в пустынных скалах. Потревоженная стая чаек взмыла ввысь и с пронзительно резкими криками разлетелась врассыпную. Отдельными маленькими стайками птицы понеслись к соседним утесам и там, на другой стороне бухты, вновь стали снижаться. Джентльмен, очевидно, промахнулся: ни одна подстреленная птица не трепетала на вспененной воде.

– Ружье перезаряжено, ваша милость! – Молоденький грум протянул своему хозяину ружье, готовое к новому выстрелу; стрелок и его спутник уже достигли вершины невысокого утеса и смотрели вниз. – Птицы сейчас успокоятся и опять слетятся.

– Охота не бывает для меня удачной, если я промахнулся с первого выстрела, – отвечал джентльмен. – Пожалуй, наша прогулка нынче вообще бесполезна: ни одного паруса не видно на горизонте. Вероятно, и наш «Орион» отстаивается где-нибудь на якоре. Но все же я побуду здесь, послежу за горизонтом. Оставь ружье у себя, Антони. Поддай подзорную трубу и подожди меня внизу, у лошадей.

Грум вручил господину футляр с раздвижной трубой и стал спускаться на тропу. Шорох осыпающихся из-под его ног камешков и шелест кустарника вскоре стихли внизу. Джентльмен остался на утесе один.

Под скалами беспокойно ворочалось море. Туча с океана, медлительно разрастаясь, кутала изломы побережья. Очертания дальних мысов и мелких островов постепенно скрывались в полосе дождя и тумана. Из-под этой низкой пелены возникали ряды бурых морских валов; берег раскрывал им навстречу каменные объятия заливов и бухт. Неторопливо взмахивая косматыми гривами, волны таранили подножие утеса.

Стоявшему на вершине человеку с подзорной трубой казалось, что сам утес, словно корабль, движется навстречу океанским валам, рассекая их каменной грудью, как форштевнем судна. Порывы ветра рассеивали в воздухе тончайшую пыль соленых брызг, и она оседала на его жестких, курчавых бакенбардах. Не отрываясь глядел он на прибой и считал «девять» валы, самые крупные и гривастые.

Разбившись об утес, волна откатывалась и до тех пор волочила за собою назад, в море, валуны и гравий, пока новый кипящий вал не подхватывал эти камни, чтобы опять швырнуть их к подножию скалы...

Мысли человека уже далеки от этой бухты, от серых утесов и чаек с пронзительными голосами; ничего не различает он вокруг, кроме сердитых косматых гребней. Под ним уже не скала! Ему вспоминается давно погибший корабль...

Снова, как встарь, стоит он, широко расставив ноги, у бушприта накренившегося, словно летящего по волнам судна. Ветер свистит в снастях, наполняя чуть зарифленные паруса... Воды теплого моря фосфоресцируют за бортом. Над мачтами, среди глубокой черноты ночного неба, он видит не трехзвездный пояс Ориона, а мерцающее золото Южного Креста. Он верил всегда, что среди светил этих двух красивейших созвездий северного и южного небосвода находится и его счастливая звезда, звезда его удачи!

Все дальше и дальше от английских берегов уносит человека призрачный корабль его воспоминаний...

* * *

...Третий месяц шхуна¹ находится в плавании. После нескольких коротких остановок в незначительных портах и укромных бухтах западного побережья Африки шхуна обогнула мыс Доброй Надежды и, посетив южную часть Мадагаскара, углубилась в воды Индийского океана.

Капитан шхуны, одноглазый испанец Бернардито Луис эль Горра, набрал добрых молодых для дальнего рейса. Сорок шесть матросов, татуированных с ног до головы, понюхавших пороху и знающих толк в погоде; старик боцман, прозванный за свирепость Бобом Акулой; помощник капитана Джакомо Грелли, заслуживший в абордажных схватках кличку Леопард Грелли, и, наконец, сам Бернардито, Одноглазый Дьявол, – таков был экипаж «Черной стрелы».

Уже больше двух недель прошло с того раннего утра, когда скалистое побережье с Игольным мысом², где в голубой беспредельности вечно спорят друг с другом воды двух океанов, растаяло на юго-западе за кормой шхуны, но еще ни одно неохраняемое торговое судно не повстречалось со шхуной в просторах Индийского океана.

– Кровь и гром! – ругался на баке Рыжий Пью, отшвырнув на палубу оловянную кружку. – Какого, спрашивается, дьявола затащил нас Бернардито на своей посудине в эту акулю преисподнюю? Испанские дублоны звенят, по-моему, не хуже, чем индийские рупии!

– Вот уже третий месяц я плаваю с вами, но еще ни один фартинг не западал за подкладку моих карманов! – подхватил собеседник Рыжего Пью, тощий верзила с золотой серьгой в ухе, прозванный командой Джекобом Скелетом. – Где же они, эти веселые желтые кружочки и красивые радужные бумажки? С чем я появлюсь в таверне «Соленый пудель», где сам Господь Бог получает свой пунш только за наличные? Я спрашиваю, где наша звонкая радость?

День близился к концу. Солнце стояло еще высоко, но скрывалось в туманном мареве. С утра капитан уменьшил порции воды и вина, выдаваемые команде. Томимые жаждой матросы работали вяло и хмуро. Влажный горячий воздух расслаблял людей. Легкий бриз от берегов

---

¹ О типах парусных кораблей, встречающихся в романе, можно найти сведения в морском словаре Лукашевича. Кратко: бриг – двухмачтовое судно, торговое или военное; военный бриг вооружен двадцатью – тридцатью пушками; шхуна – торговое судно с числом мачт от двух до пяти, с косой парусной оснасткой; фрегат – быстроходный, обычно трехмачтовый боевой корабль, на один класс ниже линейных кораблей; корвет – небольшой трехмачтовый корабль с хорошей маневренностью, служил обычно для крейсерских целей и связи; каравелла – небольшое судно, тип которого менялся с развитием парусного флота; бригантина – обычно двухмачтовое небольшое судно, часто употреблялось средиземноморскими пиратами. – Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

² Мыс Игольный – самая южная оконечность Африканского материка.

Мадагаскара наполнял паруса, но это дуновение было таким теплым, что и оно не освежало разгоряченных лиц и тел.

– Сядем, Джекоб. Здесь, под шлюпкой, прохладнее. Через полчаса начинается наша вахта, а горло сухое, точно я изжевал и проглотил Библию. Топор и виселица! Когда Черный Вудро был нашим боцманом, у него всегда находилась для меня лишняя пинта сухого арагонского.

– Потеше, Пью! Говорят, капитан не любит, когда поминают Вудро или Джузеппе.

– Здесь нас никто не слышит.

– Скажи мне, Пью, верно ли толкуют ребята, что Вудро и Джузеппе протянули лапу за кожаным мешком Бернардито?

Рыжий Пью размазал жирной ладонью капли пота на медном лбу.

– Если бы эти старые волки остались в нашей стае, мы сейчас не болтались бы в этой индийской лоханке, как сухая пробка, и ни в чем не терпели бы нужды. Но, Джекоб, насчет кожаного мешка Бернардито я советую тебе до поры до времени помалкивать. У Бернардито длинные руки, и он умеет быстро спускать курок... Я-то больше года хожу на «Стреле» и видел этот мешок своими глазами, но разрази меня гром, если я сболтну о нем хоть словечко! А между тем я даже смотрел однажды в окно капитанской каюты, когда Одноглазый развязывал свой мешок...

Дуновение ветра качнуло шхуну, и в борт сильнее плеснула волна. Рыжий Пью умолк и огляделся вокруг.

– Послушай, Пью, вчера вечером Леопард Грелли, помощник капитана, подозвал меня потолковать кое о чем, – тихо сказал Джекоб. – Сдается мне, что и он недолюбливает Одноглазого. Грелли говорит, что Вудро и Джузеппе были настоящими парнями... Расскажи-ка мне, Пью, за что Бернардито высадил их на берег?

– В точности этого не знает никто, но кое-что я тебе открою. Только смотри держи язык за зубами, не то и Леопард не поможет: пошлет нас Бернардито на дно к индийскому черту да еще, пожалуй, рты позашивает! Одноглазый не знает пощады!

– Пусть мне придется всю жизнь пить козье молоко вместо джина, если я проболтаюсь!

– Так вот, Джекоб, перед началом этого рейса наша «Стрела» угодила в облаву...

– Об этом я слыхал. Ребята хвастают, будто «Стрела» подралась чуть ли не с целой эскадрой.

– Что? Хвастают? Ну, Скелет, ты, видно, еще не знаешь Одноглазого! Правда, с ним надо всегда держать ухо востро, потому что он и спит с пальцем на собачке, но уж моряк он – какого не сыщешь ни в одном королевском флоте, клянусь утробой!

– Отчего ж вы удрали?

– Отчего удрали? Хотел бы я посмотреть, как вот такой храбрец вроде тебя, Джекоб, подрался бы на нашей посудине с британским фрегатом и французским двухпалубным бригом! Эх и славное было дело! Только туман нас тогда и выручил. С дыркой в корме мы все-таки убрались от француза в узкую каталонскую бухту... Бернардито славно одурачил всех гончих собак от Крита до Гибралтара! Две недели они искали нас старательнее, чем трезвый матрос перед прилавком ищет затерявшийся в карманах пенс, но в зубах у них Одноглазый оставил только выбранный клочок шерсти да еще напоследок выдержал бой в проклятой бухте со сторожевым испанским корветом.

Воспоминания вызвали у Рыжего Пью прилив гордости. Повествуя, он размахивал руками перед лицом Джекоба. Тот невозмутимо сопел трубкой. Рассказчик заложил за щеку порцию жевательного табаку с бетелем³ и продолжал:

---

³ Бетель – ост-индское перечное растение; его листья, пряного вкуса, жуют.

– Вот тогда капитан и надумал совсем покинуть доброе Средиземное море и идти сюда, в индийские воды. А штурман Джузеппе Лорано и боцман Вудро Крейг не соглашались. Бернардито готовился ночью проскочить Гибралтар, а Вудро и Джузеппе стали подговаривать команду против него. У нас на шхуне было чем поживиться! В трюмах лежала неплохая добыча с греческого судна... И вот, когда «Стрела» бросила якорь в каталонской бухте и мы начали штопать корму, Бернардито собрал нас всех ночью на юте и сказал: «Добычу делить не будем!»

– И с таким капитаном ты ходишь больше года! Сакраменто! Да я бы...

– погоди ты, храбрец! Капитан сказал, что товар нужно продать в Португалии, на эти деньги подлатать шхуну, купить припасы и оснастить «Стрелу» в дальний рейс.

– Ну, а вы что же?

– Да, видишь, спорить с ним открыто еще никто не пробовал. Но в ту ночь Джузеппе Лорано и Черный Вудро задумали прикончить его тайком. А штурвальный Фернандо Диас, которого Бернардито когда-то спас от виселицы, раскрыл капитану их заговор. Бернардито хотел зарезать обоих, но ему помешал помощник, Леопард Грелли. Полночь уже близилась, а главари все еще бранились в капитанской каюте. Тут-то неожиданно и подкрался этот испанский сторожевой корвет. Началась жаркая потасовка при свете факелов...

– Испанец атаковал вас с кормы?

– Да, и капитан послал Вудро и Джузеппе в самую кашу, защищать кормовую брешь; он приказал Фернандо Диасу не спускать глаз с обоих, а к штурвалу поставил меня вместо Фернандо. Драка была волчья! Не скоро забудут испанцы «Черную стрелу»!.. Мы выскочили из бухты, но Вудро оторвало обе ступни, Джузеппе продырявило бок, а Фернандо заработал две раны. Меня тоже порядком оглушило залпом картечи.

– Эх, меня тогда не было с вами!.. Так чем же кончилось дело с теми двумя?

– Чем кончилось? Шли мы в темноте. До рассвета осталось немного, а нужно было еще проскочить форты Гибралтара и сторожевые суда. На борту было четверо раненых: Вудро, Джузеппе, Фернандо и еще мулат Энрико Рой. Капитан решил высадить раненых на берег, потому что на судне они все погибли бы: наш лекарь еще в прошлом бою достался рыбам. Леопард хотел выделить раненым их долю добычи, но капитан в этом отказал.

– Да будь я мертвецом – и то спросил бы с него свою долю!

– Возможно, с мертвецом он был бы сговорчивее, но живым отказал. Впрочем, среди раненых в сознании были только Фернандо и мулат Энрико. Джузеппе Лорано и Вудро Крейг лежали без памяти. Бернардито велел отнести раненого Фернандо Диаса к себе в каюту, вон в ту, около рубки, видишь? Ветер приподнял занавеску в окне каюты, и я видел, как Одноглазый высыпал из мешка алмазы в замшевых футлярах, выбрал самый большой и один поменьше и дал их Диасу. Я слышал, как Бернардито сказал: «Вот этот голубой алмаз с желтым пятнышком отвези в Грецию моей матери, чтобы она не терпела нужды, если я погибну, а второй камень возьми себе, Фернандо, и делай с ним, что хочешь!» Потом всех троих снесли в шлюпку, на весла сел мулат Энрико Рой, у него рана была не тяжела...

– Постой! Энрико Рой был, как говорят, дружком Леопарда?

– Грелли держал его при себе вместо слуги, что ли. Он был обжора и лентяй, этот Энрико, скажу я тебе. Так вот, Грелли пошептался с ним, пока Одноглазый толковал с Фернандо, дал мулату пригоршню монет, и в кромешной тьме шлюпка пошла к испанскому берегу. Спаслись раненые или погибли, никто не знает. А нам повезло: утром, в тумане, шхуна проскочила пролив. Потом мы скрывались у берегов Португалии, чинились на Азорских, снаряжались в поход на марокканском побережье, где ты перебрался к нам с турецкой посуды, и вот плаваем третий месяц, а что толку?

Стайка летучих рыб пронеслась на круглых, похожих на кружевные воротнички, крыльшках над морской зыбью и с плеском снова погрузилась в пучину.

– Гроб и падаль! Смотри, Джекоб: вон его одноглазая светлость высунулся из каюты. Лихорадка свалила его с ног. Он пожелтел, как луидор, и сутками валяется на койке, пока мы до крови натираем себе ладони снастями. Того и гляди, сам дождетя холщового мешка и груза на грудь, а продолжает упрямыться, дьявол, не хочет уходить из этих проклятых вод, где зной – как в кузнечном горне... Но что это на горизонте? Ад и дьявол! Да там пожар!

В ту же минуту крик дозорного: «Пожар на горизонте, слева по корме!» – поднял на ноги всю команду. Полуголые, разукрашенные диковинными татуировками на руках и груди, в невообразимых головных уборах из обрывков материи, пальмовых листьев и даже из книжных страниц с библейскими текстами, матросы «Черной стрелы» высыпали на палубу.

На командном мостике показался Леопард Грелли с подозрительной трубой. Лишь одного капитана Бернардито тропическая лихорадка приковала к его висячей койке. Временами, почти теряя сознание от внутреннего жара, он, захлебываясь, глотал холодную воду, а через четверть часа содрогался от озноба, выстукивал зубами и с головой укутывался в шерстяные одеяла.

Леопард подал команду, и матросы, подгоняемые свистом боцмана, бросились к снастям. Шхуна, разворачиваясь под парусами, ложилась на обратный курс. Когда маневр поворота был закончен, шхуна двинулась короткими галсами к огню на горизонте и вскоре заметно приблизилась к месту пожара. Между тем над горизонтом росла черная туча, а столбик барометра в каюте капитана упал так низко, как Леопарду Грелли еще никогда не случалось видеть. Ветер стих, и паруса шхуны беспомощно обвисли. В быстро сгустившихся сумерках отчетливо и зловеще полыхал вдали пожар. Не один, а целых три гигантских костра поднимали к небу почти отвесные столбы пламени, искр и дыма. Очевидно, горели корабли недавно встреченного каравана.

Вскоре команда «Черной стрелы» отчетливо разглядела на фоне зарева два корабля, отделившихся, по-видимому, от каравана и развернувшихся навстречу шхуне. Ближайший из них, небольшая бригантина, находился от шхуны всего в пяти-шести кабельтовых⁴. Другой корабль, с оснасткой военного корвета, виднелся в полумиле⁵ позади первого.

Даже издали было заметно, что мачты корвета повреждены в бою, а паруса бригантинны изодраны и потрепаны. В тишине вечера доносился глухой гром артиллерийской канонады. Наступивший предгрозовой штиль заставил оба пострадавших судна, так же как и шхуну Бернардито, лечь в мертвый дрейф. Далекое зарево отбрасывало неподвижные черные тени трех кораблей на поверхность океана, а на луну уже надвинулась грозная туча.

– Леопард чует добычу! – шепнул Пью своему другу Джекобу. – Будь я проклят, если он не ухитрится найти поживу и в чужой драке. Готовься к делу, старый кашалот! Наконец-то мы дождались настоящей работы!

Капитан Бернардито Луис эль Горра был опытным, отчаянно храбрым и беспощадно жестоким в бою пиратом. Быть может, во времена Кортеса или Писарро он вписал бы свое имя в кровавые страницы истории завоевания Мексики, Бразилии или Перу, но он родился в том веке, когда белые пятна на глобусе исчезали с быстротой тающего весной снега, а ост-индские, южноафриканские и прочие торговые компании, утвердив свою власть над захваченными заокеанскими владениями, разбойничали в них под сенью государственных законов своих стран.

Бернардито нашел, что превращение крови и пота колониальных рабов в золото – дело кляузное и не очень почтенное. Прибыльнее и проще извлекать это золото непосредственно из купеческих карманов! Его шхуна с горсточкой отчаянных головорезов, которые никогда не

---

⁴ Кабельтов – морская мера длины: 185,2 метра. – *Прим. ред.*

⁵ Морская миля – 1852 метра. – *Прим. ред.*

заглядывали в будущее дальше чем на два ближайших часа, причинила в водах Средиземного и соседних морей такой ущерб купеческим судам, что за поимку корсара Бернардито одновременно взялись английские, французские, испанские и турецкие власти, не считая частных мореходных компаний и одиночных морских охотников за призами.

От всех своих многочисленных преследователей, которые, несомненно, изловили бы смелого пирата, если бы могли действовать согласно друг с другом, Бернардито ловко ускользал и теперь, проскочив под самым носом шаривших рядом военных судов, вел свою шхуну в дальний индийский рейс.

Но в этот раз боги удачи, казалось, лишили одноглазого капитана своих милостей. Еще перед началом рейса он впервые за свою богатую событиями жизнь обнаружил на судне заговор против себя. Кто-то действовал среди команды осторожно и настойчиво. Обезвредив заговорщиков, капитан потерял самого преданного матроса – Фернандо Диаса. Бернардито догадывался, что тайной пружиной неудавшегося заговора был не кто иной, как его помощник Леопард Грелли, человек, принятый на борт «Черной стрелы» года три назад. Теперь, пользуясь болезнью капитана, Джакомо Грелли, по-видимому, выжидал только удобного случая, чтобы самому стать главарем шайки и капитаном «Стрелы».

Очнувшись в своей каюте от тяжелого забытья, Бернардито приподнялся на локте. В каюте никого не было. За окном виднелась лишь спина матроса у штурвального колеса.

Бернардито нажал кнопку в стене. Из открывшегося тайничка он вынул кожаный мешок и выложил на одеяло более двух десятков замшевых футляров с драгоценными камнями. Пересчитав их, он убрал камни в мешок, закрыл тайник и позвал своего слугу. Никто не откликнулся.

– Грязные каналы! – пробормотал Бернардито сквозь зубы. – Педро! Где ты, Педро, сын свиньи и монаха! Ну погоди, я научу тебя орать «сакраменто»!

Но и великан Педро, телохранитель и слуга капитана, торчал на палубе, силясь разглядеть подробности сражения. Штурвальный тоже следил не за курсом, а глазел в сторону.

– Я приучу вас к порядку на корабле! – со злобой произнес Бернардито.

Он дотянулся до пистолета, висевшего у него в изголовье, и, не целясь, сбил выстрелом плетеный соломенный щиток с головы штурвального. На звук выстрела в каюту вбежал Леопард Грелли. Вместе с Педро он помог Одноглазому выбраться из каюты и подняться на мостик.

Выбравшись, капитан подкрепил себя глотком неразведенного ямайского рома и взял у Грелли трубу. От его единственного, но зоркого глаза не ускользнула ни одна подробность. События развернувшегося вдали боя, еще не понятые всей остальной командой, были им быстро разгаданы. Он догадался, что суда, замыкавшие англо-голландский караван, подверглись внезапному нападению двух вражеских – очевидно, французских или испанских – корветов, подкрававшихся к ним под покровом низких предгрозовых туч.

Однако пушки сторожевых судов каравана успели открыть огонь и поджечь один из нападавших корветов. В завязавшей затем артиллерийской дуэли запылали и два купеческих судна. Наконец уцелевшему корвету противника удалось все же отрезать от каравана одну английскую бригантину, которой пришлось изменить курс и спастись бегством. Двигалась она как раз навстречу пиратской шхуне.

Потрепанный корвет, выйдя из боя, пустился преследовать добычу, но потерял скорость из-за поврежденных парусов. Когда мертвый предгрозовой штиль остановил оба судна, бригантину оказалась чуть ли не под боком у «Черной стрелы», но корвет далеко отстал от своей жертвы.

– Каррамба! Провалийся я еще час – и добыча, которая сама идет нам в руки, была бы потеряна! – заорал Бернардито. – Где были твои глаза, Грелли? Чего ждет чертов боцман, помесь старой обезьяны с кашалотом! Эй, люди! Спустить обе шлюпки! Посадить в каждую

по двенадцать чертей – через полчаса они должны быть на бригантине. Грелли и Акула пове-дут эти шлюпки в бой. Остальным – убрать паруса и хорошенько закрепить пушки на палубе! Близится шторм, сто залпов боцману в поясницу! Торопитесь, дети горя!

Через несколько минут две шлюпки с вооруженными до зубов пиратами отвалили от шхуны и полетели к бригантине.

В это время Бернардито разглядел в трубу, что на корвете тоже спускают на воду три шлюпки. Очевидно, и капитан корвета решил атаковать бригантину. Но преимущество было на стороне людей Бернардито. Шлюпки «Черной стрелы», следуя в кильватере друг другу, уже прошли половину расстояния до бригантини.

Предгрозовой штиль, ровно катящиеся валы океанской мертвой зыби и далекое зарево, светившее нападающим, благоприятствовали атаке. Между тем шлюпки корвета еще только отвалили от борта своего корабля.

На бригантине, носившей имя «Офейра», заметили опасность, надвигавшуюся сразу с двух сторон. Две небольшие пушки, носовая и кормовая, составляли все вооружение этого корабля, пустившегося в далекое плавание под надежным конвоем. Когда шлюпка Грелли при-близилась к бригантине на один кабельтов, грянул орудийный выстрел, и чугунное ядро зары-лось в воду позади шлюпки.

Грелли повернул к центру правого борта судна, а боцман Боб Акула приготовился атако-вать бригантину слева. Обе шлюпки оказались вне обстрела корабельных пушек; залп из ружей и пистолетов, произведенный защитниками бригантини, убил одного и ранил двух матросов Леопарда Грелли. У самого Леопарда пулей сорвало шляпу.

Вот и борт корабля! Абордажные крючья вонзились в дерево обшивки. По свисающим снастям порванного в бою такелажа⁶ пираты Грелли мигом очутились на палубе. В то же мгно-вение через левый фальшборт, орудуя крючьями и веревочными лестницами, на «Офейру» ворвалась шайка Боба Акулы. В короткой схватке первыми пали капитан и другие офицеры «Офейры». Команда, лишившись начальников, разбежалась под натиском свирепых голово-резов. Матросы искали спасения в тайниках судна, ломались в запертые двери, падали под выстрелами и ударами ножей.

Тем временем три шлюпки с корвета приближались к захваченному пиратами судну. Роб-кий рассвет уже позволял различить, что их командир одет в форму французского офицера.

Грелли, стоя на мостике «Офейры», готовил пиратов к новому бою. По его приказанию они перетасили обе пушки на правый борт бригантини и зарядили их картечью. Когда бли-жайшая шлюпка французов подошла на полкабельтова, не ожидая встретить бортового пушеч-ного огня, грянул залп, точно накрывший цель. Шлюпка мгновенно затонула. Повторный залп произвел страшное опустошение на второй шлюпке: стоявший на корме офицер и половина матросов были убиты.

Экипажу третьей шлюпки осталось лишь подобрать из воды раненых товарищей и отсту-пить под градом ружейных и пистолетных пуль, которыми пираты осыпали французов.

Грелли и боцман с пистолетами в руках преградили своим матросам доступ к дверям кают и салона: нужно было сначала отбуксировать «Офейру» к шхуне, так как французы – противник, несомненно, более сильный, чем кучка пиратов, овладевших бригантиной, – могли возобновить нападение.

Но буксировать бригантину с помощью шлюпок уже не было нужды: подувший утрен-ний ветер принес первые капли грозового ливня и вместе с тем наполнил паруса бригантини. Матросы бросились к реям, сам Грелли взялся за штурвал, наступив на спину убитому штур-вальному. Через четверть часа бригантина под торжествующие крики пиратов, забывших и о корвете, и о надвигающейся грозе, была пришвартована к грязному борту «Черной стрелы».

---

⁶ Такелаж – совокупность всех снастей, служащих для управления парусами. – *Прим. ред.*

Морские разбойники, отбросив все предосторожности, ринулись с топорами к трюмам и каютам захваченного корабля...

Кают на бригантине было две: небольшая верхняя, рядом с помещением капитана, и просторная нижняя, расположенная в соседстве с маленьким, уютно обставленным салоном. «Офейра», очевидно, была оборудована для богатых пассажиров.

В верхней каюте, взломанной Бобом Акулой, не оказалось никого, зато нашлось много дорогой посуды, объемистых чемоданов и мужского платья. В помещении салона пираты нашли только четырех раненых матросов-индусов, которые тут же и были добиты.

Но когда Грелли, Рыжий Пью и Джекоб Скелет ударами топоров высадили дверь нижней каюты, из глубины ее грянул пушечный выстрел. Пуля, оцарапав плечо Грелли, угодила в грудь Джекобу Скелету. Загораживая вход, он ничком свалился внутрь каюты.

Грелли выстрелил из двух пистолетов сразу и, переступив через труп, бросился в глубину каюты, наполнившейся едким пороховым дымом.

Навстречу пирату шагнул небольшого роста старик в завитом парике и старомодном камзоле с кружевным жабо и широкими брабантскими⁷ манжетами. Старик отбросил дымящийся пистолет и, выхватив из ножен шпагу, направил ее в грудь пирату. Грелли был бы неминуемо проколот насквозь, если бы Рыжий Пью с порога каюты не разрядил своего тяжелого пистолета в голову старика. Старый джентльмен рухнул на пол. Подхватив его шпагу, Грелли отдернул ею парчовую занавеску, отделявшую заднюю часть каюты, и... замер в изумлении: на кружевной покрывале постели лежала без чувств красивая молодая девушка. Препраждая доступ к ее ложу, у постели стоял высокий молодой человек с орлиным носом и короткими бачками у висков. Он спокойно поднял пистолет и спустил курок, но выстрела не последовало. Оружие дало осечку, и это снова спасло Грелли жизнь.

Ударом шпаги Грелли пронзил молодому джентльмену плечо. Тот, отступив на шаг, сохранил равновесие и, схватив отказавший пистолет за ствол, нанес пирату сильный удар рукоятью по голове. Грелли пошатнулся и упал на руки подоспевшим ему на помощь разбойникам «Черной стрелы».

– Ради бога, прекратите сопротивление, мистер Райленд, – раздался голос, исходивший, казалось, из-под кровати. И действительно, под складками полога, у ног высокого защитника юной леди, показалась голова пожилого лысого толстяка, нашедшего прибежище под кроватью, к великому удивлению не только пиратов, но и самого молодого джентльмена. – Умоляю вас, прекратите бесполезное сражение, дражайший сэр Фредрик!

– Ваше поведение недостойно джентльмена, мистер Томас Мортон! – гневно крикнул молодой человек, названный сэром Фредриком Райлендом.

Из плеча его сочилась кровь, но он выхватил шпагу и бросился на пиратов. Однако Грелли успел уже оправиться. Кто-то сунул ему в руку заряженный пистолет. Выстрел сотряс стены каюты. Грелли увидел, как лицо джентльмена побелело и как он упал под ноги пиратам. Полдюжины подручных Леопарда, топчя тело упавшего, кинулись к бесчувственной девушке, мгновенно завернули ее в одеяло и потащили в каюту Грелли на «Черной стреле». Туда же пираты поволокли насмерть перепуганного лысого толстяка... Грелли, шатаясь, вышел вслед за пиратами. На мокрой палубе он ухватился за леерную стойку и оглядел горизонт. С севера надвигалась черная стена урагана. Ветер уже рвал снасти, и страшный ливень низвергался на крыши палубных надстроек бригантинны. Швартовы удерживали ее у борта пиратской шхуны. Со шхуны на бригантину был уже перекинут узкий трапик.

---

⁷ Брабант – в XVIII веке провинция в Нидерландах; славился производством ручных кружев, изделия брабантских кружевниц ценятся и поныне.

В море, всего на расстоянии мили, виднелся французский корвет. На нем спешно убрали последние паруса...

* * *

...К джентльмену с подозрительной трубкой, стоявшему на вершине утеса в бухте Старого Короля, снова подошел его слуга. Пораженный странным выражением лица своего хозяина, грум не сразу решился окликнуть его. Наконец он заговорил тихо и почтительно. Джентльмен вздрогнул и обернулся к юноше.

– Это ты, Антони? – пробормотал он, словно пробудившись от сна. Усилиями воли он вернул себя от воспоминаний к действительности.

– Сэр Фредрик Райленд, – обратился к нему грум, – дома вас давно ожидают к завтраку. Вы собирались нынче посетить верфь мистера Паттерсона. Лошади оседланы, милорд...

Часть I

В добром старом Бультоне

Глава первая

Рукопись мистера Мортон

*Se non e vero, e ben trovato*⁸.
Староитальянская поговорка

1

Эндрю Лоусон, сдававший «респектабельным приезжим» свой небольшой домик в порту, стоял в палисаднике и обрезал садовыми ножницами кусты жасмина. Старый пудель, заросший курчавой шерстью до самого кончика носа, лежал около куртины, искоса поглядывая на хозяина. Июльское солнце только что поднялось над островерхими крышами Бультона.

Скрип шагов на посыпанной морской галькой дорожке потревожил сладко задремавшего пуделя. Собака заворчала на незнакомого человека в одежде уличного торговца, остановившегося перед куртиной. За спиной у него висел небольшой дорожный мешок, в руках была палка.

– Могу ли я видеть мистера Лоусона? – с легким иностранным акцентом спросил пришелец. Но наружность его ничем не изобличала в нем чужеземца.

– Чем могу быть вам полезен? Мне еще трудно вато держаться на ногах: я был болен и только сегодня встал с постели.

– Мне необходимо переговорить с глазу на глаз по чрезвычайно важному делу. Оно требует, чтобы наша встреча осталась в глубокой тайне...

Лоусон насупил седые брови:

– Я старый человек и не хотел бы вмешиваться ни в какие тайные дела. Кто вас направил ко мне, откуда вы сами?

– Меня зовут Роджерс. Я торговец. Торговец небогатый. Вчера я был у главы здешней юридической конторы, мистера Уильяма Томпсона. Он посоветовал обратиться к вам за нужными справками... Вы, мистер Лоусон, были оценщиком драгоценных камней в бультонской фирме покойного Натаниэля Гарди, не правда ли?

– Да, но с тех пор прошло почти четыре года. В конце 1768 года контора закрылась. Что же вам угодно от меня, мистер Роджерс? Вы можете говорить спокойно: кроме этого пуделя, здесь подслушивать некому!

– Мистер Лоусон, меня интересуют именно события шестьдесят восьмого года. Скажите, вела ли фирма Гарди торговлю драгоценностями со странами материка?

– Да, такие коммерческие операции были для нас обычными, но велись они главным образом через нашу контору в Портсмуте. Почему вас интересуют дела давно закрытой фирмы?

– Видите ли, я разыскиваю следы одного камня, похищенного в 1768 году у... у моих друзей. Эти поиски привели меня в Бультон. Я подозреваю, что похитители обосновались здесь. Одного из них я даже видел... Скажите, не проходил ли через ваши руки грубо шлифованный

---

⁸ Если это и неправда, то хорошо выдуманно.

алмаз голубой воды размером... вот с этот галечник? Здесь, на нижней грани алмаза, было небольшое желтоватое пятнышко. Он мог стоить около четырех тысяч гиней. Вы не припомните такого камня?

Лоусон задумался и пристально поглядел на незнакомца:

– Этот алмаз я видел и оценивал. Если бы не пятно, он стоил бы дороже. Да, такой камень действительно прошел через мои руки, но его дальнейшая судьба осталась мне неизвестной. Приобрела ли его фирма, я не знаю.

Вспышка радости, озарившая было темные глаза незнакомца, погасла.

– В чьих руках находился тогда алмаз? – спросил он быстро.

– Этого я не имею права вам открыть.

– О черт! Но если я сам назову вам имя, вы подтвердите мою правоту? Вам предложил этот камень нынешний владелец портовой таверны «Чрево кита» мистер Вудро Крейг, не так ли?

Лоусон пожал плечами.

– Послушайте, мистер Лоусон, я открою вам больше того, что сказал. Сначала был украден голубой алмаз, а затем похитители овладели целым сокровищем из двадцати с лишним драгоценных камней! Вместе они стоили сказочные деньги – шестьдесят тысяч фунтов стерлингов! Быть может, открыв следы алмаза, я отыщу и другие. Имейте ко мне хоть немного доверия, скажите мне, что я не ошибаюсь: камень предлагал для продажи Вудро Крейг, не правда ли? Или... быть может, это сделал некий... скрытый сообщник Крейга? О, я знаю, кто является его сообщником! Это одно важное лицо в городе! Имя его – сэра...

– Эх, Роджерс, теперь послушайте-ка меня, старика. Одной ногой я уже стою в могиле и лучше других знаю, сколько грязи и крови прилипает к блестящим граням алмазов и бриллиантов. Тот камень давно прошел через мои руки, я не хочу тревожить прошлое и вмешивать живых в старые тайны. Пусть камень спокойно лежит себе на дне какого-нибудь сундука. Вам я тоже советую: забудьте его. Счастья вам этот камень не принесет!

– Мистер Лоусон, не боитесь ли вы бросить тень на имя ваших прежних хозяев? Уверяю вас, оно останется незапятнанным. Скажите, неужели у покойного владельца фирмы не осталось наследников, которые дали бы вам право открыть мне все, что было известно фирме об этом камне?

– У мистера Гарди осталась дочь. К ней вы можете обратиться. Живет она в двенадцати милях от Бультона, в поместье Ченсфильд, и теперь ее имя леди Эмили Райленд.

На лбу у незнакомца выступил пот. Он отер его платком. При этом Лоусон разглядел, что на левой руке незнакомца нет безымянного пальца.

– Заклинаю вас именем Бога, – сказал торговец тихо, – молчите о нашей беседе. Одно неосторожное слово погубит и вас и меня!

2

Глава крупнейшей в Бультоне юридической конторы «Томпсон и сын», королевский адвокат и ученый сарджент⁹ мистер Уильям Томпсон сидел в своем домашнем кабинете и внимательно изучал разложенные на столе бумаги. Он так углубился в свои занятия, что не замечал, как его старый слуга время от времени подходил к столу и щипчиками снимал нагар с двух свечей, горевших в массивном шандале.

Бумаги, лежавшие перед доктором прав, могли поведают любопытному историю возникновения и деятельности «Северобританской коммерческой компании». Эта фирма с недавних пор стала важнейшим клиентом юридической конторы «Томпсон и сын». Документы свиде-

---

⁹ Сарджент – высшая юридическая степень в Англии, доктор прав.

тельствовавали о безупречном и блестящем состоянии дел компании. Коммерческий директор фирмы мистер Ральф Норвард издавна поддерживал с мистером Томпсоном дружеские отношения.

Адвокат знал, что инициатором и главным владельцем фирмы является важное новое лицо в городе: сэр Фредрик Джонатан Райленд. Этот титулованный дворянин только четыре года назад обосновался в Бультоне. Наделенный, по-видимому, недюжинной энергией и предприимчивостью, он недавно унаследовал родовое поместье Ченсфильд и титул виконта, но был явно не склонен ограничивать свои занятия одними традиционными дворянскими утехами – войной, охотой и злословием. Он сумел увлечь своими замыслами почтенного всеми уважаемого коммерсанта Норварда.

На деньги, вложенные в дело сэром Фредриком Райлендом, был пущен большой канатный завод, построена фабрика корабельной парусины, куплена и расширена «Бультонская суконная мануфактура», приобретены первые три корабля.

Помещенный в эти предприятия капитал уже через четыре года принес доход и позволил сэру Фредрику расширить свое небольшое земельное владение на севере Англии. На вновь приобретенных землях он начал новое доходное дело – тонкорунное овцеводство.

Все три корабля, совершая дальние рейсы, продолжали умножать доходы фирмы, а обширные цехи новых мануфактур уже поставляли тонкие сукна для офицерских мундиров королевской армии, грубую ткань для заокеанских колонистов, корабельные снасти и парусину. Выпущенные фирмой в весьма ограниченном количестве акции стояли высоко, и недавняя биржевая паника 1771–1772 годов не поколебала репутации «Северобританской компании».

Старый слуга отвлек своего господина от чтения бумаг.

– Мистер Сэмюэль Ленди и мистер Роберт Паттерсон, – доложил он, приоткрыв дверь.

Вытерев фуляровым платком вспотевшую от трудов лысину, мистер Томпсон снял с круглой подставки старомодный парик внушительных размеров, с длинными буклями, без косицы. Перед зеркалом мистер Томпсон водрузил парик на голову, отчего она сразу стала непомерно большой по сравнению с щедеушной фигурой. Это мощное украшение на голове придавало мистеру Уильяму сходство со львом, точнее, с тем курчавым домашним животным, которого тщеславные владельцы делают с помощью ножниц похожим на царя зверей.

Обоих джентльменов, прибывших для традиционной партии в карты, мистер Томпсон застал в гостиной в обществе своего сына Ричарда, совладельца конторы.

Раскрытый карточный стол с не стертymi еще записями результатов последнего крибеджа¹⁰ на зеленом сукне, цветными мелками и круглыми щеточками, двумя нераспечатанными колодами карт и тяжелым бронзовым подсвечником посередине ожидал партнеров. Рядом, на маленьком столике у жарко пылающего камина, подогревался пунш в вместительном сосуде, напоминавшем бочонок с крышкой. В комнате уже распространялся соблазнительный аромат душистых специй. У столика хлопотал слуга, расставляя холодную говядину, сыр, устрицы и бисквиты.

Место отсутствующего друга дома, пастора Редлинга, занял за карточным столом мистер Томпсон-младший, двадцативосьмилетний джентльмен с очень аккуратной прической из собственных волос, как у Чарльза Грандисона, героя знаменитого романа. Все четыре джентльмена хранили за игрой молчание. Они презирали обычные присказки и словечки, сопровождающие карточную игру в менее избранном кругу, и изъяснялись жестами и любезными улыбками.

Но когда бочонок с крышкой наполовину опустел, а лица партнеров почти сравнялись с цветом напитка, беседа завязалась. От событий европейской войны, только что закончившейся разделом Речи Посполитой между Россией и Пруссией, господа перешли на темы отечественной политики.

---

¹⁰ Крибедж – карточная игра, распространенная в XVIII веке.

– Трудное время! Опасность растет, и нужны сильные руки, чтобы спасти кровные интересы Англии, – говорил банкир мистер Сэмюэль Ленди, человек лет пятидесяти пяти, в длинном, старинного покроя платье. – Мир колеблется, мы живем на вулкане. Америка – уже почти утраченная нами колония. Ее деятели, все эти Адамсы, Джефферсоны и Франклины, ведут открыто враждебную нам политику, и столкновение с драконом американской революции неизбежно. Это тем опаснее, что население Франции волнуется, ее нищие крестьяне бунтуют, города восстают, а Париж сделался столицей безбожных и возмутительных учений. Русская царица Екатерина с каждым годом расширяет свои владения и на юг и на запад. Флот ее уже разгромил могущество турок. Древняя Порта обречена. Это опасно... – Отхлебнув изрядный глоток, он продолжал: – Мировой котел кипит. Сейчас Англии нужны твердые, цепкие руки. Нужно успеть выхватить из этого котла самые жирные куски, пока их не схватили другие. Я не вижу твердости в действиях нашего правительства. Иногда приходится быть волком в овечьей шкуре, но нельзя быть овцой в шкуре волка. Это позор! Я говорю: нельзя дальше потакать американским колонистам. Мы можем окончательно потерять Америку.

Сын адвоката мистер Ричард Томпсон слушал старого банкира с плохо скрытым негодованием.

– Я нахожу, – произнес он решительно, – что наша политика в колониях воистину волчья. Колонисты в Америке сами желают быть хозяевами своей страны, которую наше правительство, лорды Бьютт и Гренвиль, стремятся связать по рукам и ногам.

Мистер Ленди нахмурился и только было хотел веско возразить горячему противнику лордов Бьютта и Гренвиля, как новое лицо вошло в гостиную. Это был опоздавший к партии в пикет викарий бультонского собора преподобный мистер Томас Редлинг. Свое опоздание господин викарий объяснил тем, что участвовал в семейном празднике у почетного прихожанина.

– Приятнейший день провел я сегодня у лорда Фредрика Райленда в его загородном доме! Два года назад Господь благословил молодую чету прекрасным первенцем. Это мой крестник, я нарек его Чарльзом. Сегодня супруги Райленд праздновали день рождения своего дитяти... Дорогой мой мистер Уильям! Сэр Фредрик просил передать вам пожелание доброго здоровья.

К удивлению пастора, хозяин довольно сухо принял его слова:

– Интересы «Северобританской компании», принадлежащей на девять десятых мистеру Райленду, я защищаю уже в течение трех лет, но эта деловая сторона пока не побудила ни меня, ни моего знатного клиента к личному знакомству. Отношения с компанией я поддерживаю через ее коммерческого директора, моего друга мистера Норварда.

С этими словами мистер Томпсон поднял бокал, сощурил веки и стал рассматривать сквозь налитое в сосуд вино пламя углей в камине. Пастор Редлинг поперхнулся и умолк. Наступило неловкое молчание.

– Мистер Томпсон! – заговорил судостроитель Паттерсон, до сих пор молчавший. – Здесь собрались старые друзья вашего дома. Быть может, вы наконец поведаете нам о тех подводных рифах между вами и сэром Фредриком, которые так заметны вашим друзьям?

– Мистер Паттерсон удивительно точно предвосхитил мою мысль! – воскликнул Ленди. – Появление лорда Райленда в нашем городе вызвало много толков благодаря трагическим обстоятельствам, омрачившим его переезд из Индии в Европу. О них, помнится, писали газеты, но очень скупо.

– Я знаю его не первый год, джентльмены, – продолжал Паттерсон. – Моя верфь выстроила для компании две шхуны – «Глорию» и «Доротею» – и бриг «Орион», а ныне работает над четвертым заказом. Это будет лучший корабль, когда-либо выходивший из английских верфей. Сотрудничать с этим джентльменом приятно: у него смелая натура и широкий размах. Однако сознаюсь: и для меня этот замкнутый человек и его молчаливая супруга с ее печальным взглядом – до сих пор наполовину загадка!

– Дорогой мистер Паттерсон и вы, мой старый друг Сэмюэль, – несколько патетически произнес мистер Томпсон, – я охотно исполню ваше желание, но для этого я должен просить разрешения Ричарда огласить одну подробность, известную пока лишь нам, родителям Ричарда.

При этом Томпсон-старший бросил вопрошающий взгляд на своего наследника. Тот утвердительно кивнул и добавил:

– Я надеюсь на честь наших друзей, отец. Эта семейная тайна не должна стать достоянием молвы...

Джентльмены склонили головы в знак согласия, а господин викарий даже возвел руки горе. Впрочем, ему, как священнику, эта интимная подробность была уже известна. Он знал, что сэр Фредрик Райленд отбил невесту у мистера Ричарда, но как и при каких обстоятельствах совершилось это прискорбное событие, ему самому не терпелось послушать.

– В таком случае, джентльмены, вы сейчас услышите одну из удивительных современных трагедий. Она сделала бы честь Друри-Лейнскому театру¹¹, попадись она в старину под перо Марлоу или Шекспира. Разрешите огласить вам интересный документ, врученный мне для сохранения. Автор, предоставив документ в мое распоряжение, разрешил его огласку в тех пределах, какие я сам счел бы уместными.

С этими словами королевский адвокат направился в свой кабинет и вернулся с тетрадь, переплетенной в коричневую тисненую кожу. Надев очки, старый джентльмен приступил к чтению.

«Возлюбленной моей дочери Мери от ее отца, Томаса Мортон, атерни¹² калькуттской нотариальной конторы «Ноэль-Абрагамс и Мохандас Маджарами».

Моя дорогая дочь!

Тетрадь эта содержит подлинные путевые записки, начатые мною в Калькутте и оконченные в Бультоне сего декабря 20-го дня года 1768-го. С неустанной мыслью о тебе и горячими молитвами о ниспослании мне радости скорее обнять мою любимую дочь приступал я перед отъездом к этим запискам и потом продолжал их в пути, глотая слезы отчаяния и горя. Сохрани эту тетрадь, где запечатлены обстоятельства гибели нашего судна, а также подробности нашего пленения и спасения. Волею всевышнего лишь я и два моих спутника пережили эти грозные события. Имена же бесчисленных погибших – ты, господи, веши! *In sancti martyris sanguis – est salus tuus, Britfnnia!*¹³

*Томас Мортон, солиситор*¹⁴.

Калькутта, 19 февраля 1768 года.

Решение мое оставить Калькутту и переехать навсегда в Европу побудило моих шефов, мистера Заломона Ноэль-Абрагамса и мистера Маджарами, поручить мне два дела в Англии, по исполнению которых я могу считать себя свободным от службы и жить уже без деловых забот на свои сбережения и небольшую пенсию. Я горячо надеюсь найти себе кров в родном Портсмуте, оставленном мною ровно сорок лет назад, когда я был десятилетним мальчиком. Там, в Портсмуте, ждет меня дочь Мери, отправленная в

---

¹¹ Театр «Друри-Лейн» – самый известный в Лондоне, с классическим репертуаром.

¹² Атерни – член английской корпорации юристов.

¹³ В крови святых мучеников – суть спасение твое, Британия! (лат.)

¹⁴ Солиситор – низшее юридическое звание в старой Англии.

Англию двенадцать лет назад, когда я лишился своей незабвенной супруги, племянницы мистера Маджарами.

Оба порученных мне дела связаны с конторой «Уильям Томпсон и сын» в Бультоне, имеющей репутацию одной из самых солидных юридических контор в метрополии.

Первое поручение касается введения в наследство эсквайра Фредрика Джонатана Райленда, клиента нашей калькуттской конторы.

Дальние предки мистера Райленда были выходцами из Нидерландов, состоя по женской линии в родстве с Оранским домом. При Вильгельме III Оранском¹⁵ мистер Френсис Райленд получил за свои заслуги перед английским престолом титул виконта и небольшое бультонское поместье Ченсфильд.

Сын первого виконта Ченсфильда, Генри Райленд, поддавшись уговорам своего знатного соседа маркиза Блендхилла, яростного сторонника партии тори, принял участие в заговоре против короля Георга I и, лишенный пэрского достоинства, окончил свои дни в ченсфильдской ссылке. До недавнего времени поместьем Ченсфильд владел сын опального сэра Генри – сэр Эдуард Райленд. Младший его брат, офицер королевских войск Уильям Майкл Райленд, уехал в Индию, в Калькутту, где у него в 1742 году родился сын Фредрик Джонатан.

Мистер Фредрик рано лишился своих родителей, и опекуном его стал мой отец, служивший юристом той же нотариальной конторы, куда впоследствии поступил и я. По окончании английского колледжа в Мадрасе молодой мистер Райленд совершил несколько морских экспедиций в качестве младшего помощника капитана, обнаружив хорошие познания в астрономии и навигации.

В 1763 году мистер Фредрик Райленд уехал в Европу и навестил в Лондоне своего дядю, сэра Эдуарда, виконта Ченсфильда, владевшего бультонским поместьем. Бездетный вдовец, сэр Эдуард, возненавидевший Ченсфильд – место ссылки своего отца, – жил в британской столице, ведя довольно рассеянный образ жизни, беспечно предоставив управление поместьем мистеру Монтегю Уэнту. Запущенное поместье давало мало дохода. Сэр Эдуард принял племянника довольно холодно, и тот вернулся в 1767 году назад в Индию, где увлекся научными занятиями и провел несколько месяцев с исследовательскими целями в глухих индийских джунглях.

В конце 1767 года мистер Эдуард скончался. Племянник его, сэр Фредрик Райленд, унаследовал небольшой капитал и разоренное бультонское поместье. К нему должен перейти и титул виконта Ченсфильда, если права на него, весьма мало интересовавшие сэра Эдуарда, не безнадежно утрачены.

Бультонская контора «Томпсон и сын», клиентом коей состоял сэр Эдуард, обратилась к нашей для розыска наследника. Бумаги сэра Фредрика хранились у моих шефов, и, учитывая мое желание навсегда вернуться в Англию, они выдали мне доверенность на производство всех формальностей, связанных с введением сэра Фредрика в права наследства.

Второе поручение моих шефов заключается в ликвидации дел и имущества небольшой бенгальской торговой фирмы «Гарди и Демюрье», по решению единственного ее владельца, мистера Натаниэля Гарди. Мистер Гарди родился в Бультоне, но большую часть жизни провел в Индии, где вместе

---

¹⁵ Вильгельм III Оранский – король Англии, правил страной с 1688 по 1702 год.

с французским инженером месье Демюрье приобрел серебряный рудник в Бенгалии. От брака мистера Гарди с дочерью его компаньона родилась в 1749 году девочка, окрещенная по католическому обряду. По настоянию матери она воспитывалась в одном из аббатств во Франции, где и прожила до восемнадцати лет. В 1767 году она совершила путешествие в Калькутту к родителям, но уже не застала в живых своей матери. Лишившись супруги, а также своего компаньона, мистер Гарди, подобно мне, ощутил глубокую тоску по доброй старой Англии. Он продал рудник и решил закрыть свои небольшие конторы в Бультоне и Портсмуте. Все предварительные хлопоты по его делам приняла на себя наша контора, поручив их мне.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мистер Гарди со своей единственной дочерью Эмилией, так же как и наследник сэра Эдуарда мистер Фредрик Райленд, будущий виконт Ченсфильд, деятельно готовятся к дальнему пути. Приготовления их, равно как и мои, уже близятся к концу. Большой караван судов выходит в море из Калькутты в начале марта. Мною уже куплены две каюты на английской бригантине «Офейра»: одна предназначена для мистера Райленда и меня, вторая – для мистера Гарди и мисс Эмили. Мистер Гарди – сама доброта. Он очень любезен и называет меня своим гувернером. Увидеть его дочь мне еще не представилось случая.

Порт Калькутта, 3 марта 1768 года.

Итак, оба трюма «Офейры» приняли последние тонны груза. Бригантина доставит в Европу весьма ценные товары – дорогие краски для тканей, благородные металлы в слитках, самоцветные камни для ювелиров Голландии, шелка для отечественных модниц и лекарственные средства для аптекарей Европы. Большая и самая ценная часть груза – серебро в слитках и прекрасные самоцветы – принадлежит мистеру Гарди.

Пассажиры уже заняли свои места в каютах. Бригантина так мала, что нам придется обходиться услугами команды – собственную прислугу негде поместить. Мисс Эмили, дочь мистера Гарди, поистине очаровательная молодая леди! Кажется, того же мнения придерживается и мистер Райленд. Впрочем, мой клиент неразговорчив и не особенно учтив со мною.

Завтра на рассвете мы снимаемся с якоря. Другие суда нашего каравана грузятся неподалеку. Вооруженные конвойные суда уже ожидают на океанском рейде. Караван состоит из восьми торговых и четырех охраняющих кораблей. Вооружены и торговые суда – на нашей бригантине я видел две медные пушки. Да хранит нас Всевышний в дальнем пути!

Бенгальский залив. Борт «Офейры», 5 марта.

Сегодня мы простились с устьем священного Ганга. Второй день мы находимся в плавании, и величавая дельта реки, низменное побережье с пышной зеленью и массивными пагодами уже исчезают на горизонте. Океан спокоен, путешествие идет пока очень приятно. Караван держит курс на Мадрас.

Впереди движется стопушечный трехпалубный корабль «Хемпшир», прибывший в наши воды из Вест-Индии. Он направляется в Плимут – значит, до конца рейса мы пойдем под его надежной охраной. Два легких фрегата защищают фланги каравана, один корвет замыкает строй судов. Наша бригантина следует в хвосте каравана, под охраной пушек корвета.

Весь вчерашний день я провел на палубе в беседе с мистером Гарди, о котором навсегда сохраню самые приятные воспоминания. Мой собеседник обрадовал меня известием, что глава бультонской юридической конторы господин Томпсон-старший и сам мистер Гарди – не только земляки, но и школьные товарищи. Между ними существует даже дальнейшее родство. В течение последних тридцати лет старики поддерживали переписку, находясь в разных частях земного шара. В ней приняли участие и дети, после того как мистер Гарди прислал старому другу свой акварельный портрет, на котором он изображен вместе с дочерью. Вскоре отец и дочь получили в ответ изображение мистера Уильяма Томпсона с его сыном Ричардом. Молодые люди понравились друг другу на расстоянии, и родители считают их помолвку, официально еще не оглашенную из-за различия вероисповеданий, делом окончательно решенным. Предстоящий брак Ричарда с мисс Эмили – тоже одна из причин, побудивших мистера Гарди поторопиться с отъездом в Англию.

Молодой Фредрик Райленд ухитрился достать из воды и преподнести мисс Эмили последний цветок лотоса в устье Ганга. Пока мы беседовали с мистером Гарди, сэра Фредрика и наш любезный капитан посвящали мисс Эмили в тайны мореходного искусства. Сэр Фредрик Райленд очень спокойный, уверенный в себе человек. Держится он с большим достоинством. Лицо его приветливо, черты отличаются благородством. У него красивый орлиный нос, темные волосы...»

– Здесь, в этом месте, тетрадь несколько пострадала. В ней много подмоченных страниц, кое-где строчки почти смыты, – прервал чтение мистер Томпсон.

– Мне кажется, что пострадал всего лишь услужливый панегирик мистеру Райленду. Мне эта потеря не представляется вознаграждаемой, – брюзгливо произнес мистер Ленди. – Просим вас читать далее, где текст отчетливее.

Мистер Томпсон продолжал:

– «...носит короткие баки. На корабле почти нет таких работ, с которыми он не мог бы справиться. В то же время его ученость и знание индийских народов с их таинственным магическим искусством делают его неоценимым собеседником, когда он изволит нарушать свою необщительность.

Бенгальский залив, 17 марта.

Двое суток мы простояли на рейде в Мадрасе, не сходя на берег: в городе свирепствует оспа. Приближаемся к берегам Цейлона. Нас задерживают сложные маневры с большим количеством судов. Поэтому мы двигаемся несколько медленнее, чем одиночные корабли.

Порт Коломбо, Цейлон, 25 марта.

Плавание идет благополучно. Миновали пролив и любуемся сказочными красотами Цейлона.

Если бы я владел пером, как поэт, то посвятил бы Цейлону большую поэму. Меня всегда удивляло, почему люди селятся в пустынях и среди скал, когда есть такие райские места на свете, как Цейлон, где население не отличается особенной плотностью.

Борт «Офейры», безбрежный океан, 3 апреля.

Ровно месяц, как мы с сэром Фредриком делим эту каюту, но я знаю его так же мало, как в день нашего знакомства.

Впрочем, в присутствии мисс Гарди он не только блистательно учтив, но и становится весьма щедрым на рассказы и остроумные шутки. С наступлением темноты он развлекал вчера отца и дочь объяснениями искусства кораблевождения по небесным светилам. Лицо мисс Гарди с большими, выразительными глазами, устремленными во время его объяснений к звездному небу, было так прекрасно, что в голосе сэра Фредрика появились новые, несвойственные ему мягкие нотки. Молодая леди слушала как зачарованная, и это вдохновляло рассказчика. Она сама много путешествовала, и вопросы, которые она задавала, свидетельствовали о ее наблюдательности и живом уме.

Борт «Офейры», 6 апреля.

Если бы не календарь, где я вечерами зачеркиваю дни, то я утратил бы счет совершенно одинаковым суткам. Они начинаются и кончаются однообразным перезвоном корабельных склянок¹⁶; эти звуки сопровождают все события нашей корабельной жизни.

Сегодня на западе исчезли очертания Мальдивских островов. Попутный ветер благоприятствует плаванию, и скорость движения удвоилась. Теперь мы делаем в среднем пять-шесть узлов¹⁷, что составляет в сутки до ста сорока миль. Мистер Райленд находит, что это хороший ход для большого каравана. Своего соседа я почти не вижу в каюте. Он проводит целые дни на палубе или в нижней каюте, в обществе мистера и мисс Гарди. Судя по взглядам, которыми мисс Эмили встречает каждое его появление, я боюсь, как бы мистеру Ричарду Томпсону не пришлось впоследствии жалеть о своем отсутствии на борту в эти дни!

Борт «Офейры», 10 апреля.

Кругом открытое море. Через несколько суток бросим якорь у острова Иль-де-Франс, или, как его еще называют, острова Маврикия. Мы уже на широте южной оконечности Мадагаскара. Очень сильная жара.

Борт «Офейры», 12 апреля.

Дни эти кажутся мне бесконечными, но мисс Эмили в моем присутствии пожаловалась отцу, что время летит со сказочной быстротой. Бедный мистер Ричард!

Борт «Офейры», 16 апреля.

Вчера у острова Маврикия пополнили запас пресной воды. Ее доставили в бочках с помощью шлюпок. Суда стояли несколько часов на открытом рейде, в миле от холмистого острова. Сэр Фредрик и мисс Гарди побывали на берегу и посетили французского губернатора острова. Ночь была душная, с каким-то горячим маревом испарений, и звезды мерцали необыкновенно сильно. Сэр Фредрик говорит, что это предвещает непогоду. Мисс Гарди задержала

---

¹⁶ Бить склянки – бить в корабельный колокол; склянки бьют через каждые полчаса; один двойной удар означает один час, полуудар – полчаса; вахтенный следит за временем по песочным часам – склянкам. – *Прим. ред.*

¹⁷ Узел – мера скорости судна, равна одной миле (1852 м) в час. – *Прим. ред.*

вечером при расставании с ним свою руку в его руке. О моя молодость, как ты далека!

Борт «Офейры» 18 апреля, вечером.

По предсказанию капитана, близится шторм; барометр падает. Духота нестерпима. Дует горячий северо-восточный ветер. Мистер Райленд называет его бейдевиндом по отношению к нашему курсу. От острова Маврикия и еще каких-то небольших островов того же архипелага нас отделяют уже триста миль. Держим курс на южную оконечность Африки; приближаемся к водам Мадагаскара.

Час назад на горизонте замечены паруса двух неизвестных кораблей. Скоро они пропали из виду, так как видимость уменьшилась из-за туч. Утром, далеко на севере, прошла какая-то встречная шхуна. Флаг ее различить не удалось.

Мисс Эмили взволнована и не замечает никого и ничего вокруг. По-видимому, ее отношение к мистеру Ричарду было наивной, почерпнутой из модных чувствительных книг «возвышенной склонностью». Встреча же с мистером Райлендом впервые разбудила в ее сердце настоящую женскую любовь. Это понимает и сам мистер Гарди, который очень смущен и сбит с толку неожиданными обстоятельствами, угрожающими спутать все его давно взлелеянные планы. Но разве нынче дети нашего плачевного века поступают согласно помыслам родителей? Впрочем, мистер Гарди не может не отдавать должное уму, талантам и безупречному поведению сэра Фредрика Райленда. Да и следует ли забывать, что он все же «сэр», а может быть, и «милорд»¹⁸ и имеет блестящую будущность на родине своих предков!

Покамест же дай бог нам всем благополучно перенести штормы и прочие трудности пути и ступить здоровыми на землю нашей родины...»

– Дальнейший текст на протяжении нескольких страниц очень неразборчив, – поднял на слушателей глаза мистер Томпсон. – Но так как именно последующие страницы, покрытые кляксами и помарками, содержат описание наиболее драматических событий этого несчастного плавания, я приложу все усилия, чтобы все же прочесть вам эти места, ибо они делают честь лучшим чувствам автора... Френсис, добавьте еще свечей!

«Борт французского военного корвета «Бургундия», 24 апреля 1768 года.

О моя возлюбленная дочь! Перо не в силах описать все ужасы, пережитые твоим несчастным отцом за эти злополучные дни! Руки дрожат, и я с трудом держу плохо очиненное перо. Но я собрался с силами, чтобы запечатлеть в этой тетради страшную картину гибели нашего корабля. Боже, помилуй мою скорбящую душу и прости мне мои тяжкие прегрешения, вольные и невольные. Наверно, чистые молитвы моей дочери спасли мне жизнь, которую я отныне готов посвятить молитве за вечное упокоение погибших друзей! Аминь!

Вечером 18 апреля, усыпленный мерным покачиванием судна и невыносимым зноем, я крепко уснул в каюте. В это время к хвосту нашего

---

¹⁸ Сэр – в соединении с именем – титул дворянина, рыцаря или баронета; слово «сэр» служит также как обращение нижестоящих лиц к вышестоящим, в частности детей к отцу; милорд – обращение к лицам, имеющим лордское достоинство (бароны, виконты, графы и герцоги). – *Прим. ред.*

каравана подкрались французские пленники¹⁹ и пытались отрезать два наших торговых судна.

Однако сопровождавший нас корвет развернулся бортом к одному из вражеских кораблей и дал по нему залп ядрами и брандскугелями²⁰ из всех своих бортовых пушек. Этот страшный залп показался мне сквозь сон оглушительным раскатом грома и заставил мигом вскочить с постели.

Когда спросонок, ничего еще не понимая, я выбежал на палубу, то увидел пороховой дым и объятый пламенем корабль противника, он шел прямо на нас! Ночь озарялась огнем пожара и поминутными вспышками пушечных залпов. Смелым маневром «Офейра» увернулась от смертоносного сближения. Тогда горящий корабль, как зверь в предсмертном прыжке, двинулся на корвет, охранявший тыл каравана и причинивший врагу столь тяжелый ущерб. Плавающий корабль с разгона протаранил ему корму; мачты и такелаж, охваченные огнем, при ударе обрушились на корвет, и он тоже вспыхнул подобно факелу.

Между тем второй из нападавших кораблей, французский корвет «Бургундия», успел подбить и поджечь охранявший нас легкий фрегат и, пустившись наперерез «Офейре», стал осыпать ее пушечными ядрами, отсекая нас от каравана. Ядра со свистом проносились над палубой, рвали паруса и ломали реи.

Вдруг у фальшборта упала с шипением чугунная бомба, начиненная порохом. Она вертелась, как волчок, и короткий фитиль, раздуваемый ветром, ярко тлел в темноте. Команда бросилась бежать. В эту минуту чья-то высокая фигура метнулась к бомбе. Ударив по ней орудийным банником, человек загнал бомбу в промежуток между двумя кнехтами и остановил ее вращение. Затем он наклонился, схватил страшный предмет руками и, перенеся через фальшборт, выбросил бомбу в море. Дружный вздох облегчения вырвался у всех. Когда человек повернулся к нам, я узнал в нем сэра Фредрика Райленда, опоясанного перевязью шпаги. Сэр Фредрик спокойно отыскал на палубе брошенный им пистолет, сунул его за пояс и отошел в сторону.

Наша бригантина, поставив все уцелевшие паруса, стала уходить из-под обстрела в темноту ночи, рассчитывая вернуться затем под охрану пушек «Хемпшира», лишенного сейчас возможности маневрировать из-за тесно сбившихся вокруг него кораблей каравана. Они в беспорядке жались к его бортам, словно цыплята к наседке при нападении коршуна. Вражеский корвет «Бургундия», мачты которого были сильно повреждены в бою, пустился нас преследовать, но стал быстро отставать. Казалось, мы спасены.

Тут я заметил и мистера Гарди, тоже вооруженного пистолетом и шпагой; он поддерживал под руку мисс Эмили, вышедшую из своей каюты, чтобы помочь перевязать раненых. Мисс Эмили с тревогой искала кого-то глазами на палубе и успокоилась, лишь когда увидела сэра Фредрика. Он, в свою очередь, сбежал с мостика, где беседовал с офицерами, и, прижимая ее руку к губам, просил девушку удалиться в каюту, пока опасность не миновала окончательно.

Мистер Гарди рассказал ей про эпизод с бомбой. Она побледнела и, казалось, едва устояла на ногах, но овладела собою и одна пошла к маленькому

---

¹⁹ Пленники – «охотники за призами», то есть корабли, занимающиеся охотой за торговыми судами других стран.

²⁰ Брандскугели – зажигательные снаряды.

салону, где корабельный цирюльник, исполнявший также обязанности лекаря, уже возился с ранеными.

Вдруг впереди по курсу, словно зловещий призрак, вырос силуэт длинной черной шхуны. Наступило полное безветрие, корабли стояли неподвижно, вдали еще пылал пожар и раздавались орудийные выстрелы, – это сами собою стреляли раскаленные пушки, оставшиеся заряженными на брошенных горящих судах.

Со шхуны спустили две шлюпки. Они быстро полетели к нам.

«Пираты! – мелькнуло у меня в мозгу. – Мы попали в засаду!»

Объятый ужасом, я бросился в нижнюю каюту. Оставаться одному в верхней каюте было слишком опасно. Я бежал, прижав к груди кожаный мешок с моими сбережениями и документами, и – признаюсь тебе, дочка, – решил спрятаться под широкую кровать мисс Эмили, скрытую за занавеской.

Вскоре в каюту вошли мисс Гарди и сэр Фредрик Райленд, и я оказался невольным слушателем их краткого объяснения. Очень скоро слова «Эмили!», «Фред!» потонули во вздохах и поцелуях.

Когда дверь каюты снова приоткрылась и впустила отца, голова девушки лежала у джентльмена на груди, и джентльмен прижимал эту голову к губам. При виде отца сэр Фредрик выпустил девушку из объятий и за руку подвел ее к мистеру Гарди.

«Сэр, – взволнованно заговорил молодой человек, – сэр, мы с Эмили навсегда полюбили друг друга. Позвольте мне идти сражаться за наше общее будущее, ибо иначе мне придется искать в этом бою только смерти!»

«Да благословит вас бог, дети!» – отвечал старый Гарди.

Мисс Эмили сняла с груди и повесила на шею сэру Фредрику старинный золотой католический образок, и молодой человек, еще раз прижав к груди будущую жену свою, поспешил на палубу, где уже грянул первый выстрел нашей корабельной пушки. Снедаемый тревогой и страхом, я неподвижно лежал в своем тесном убежище, прислушиваясь к залпам, звериному крику злобных исчадий ада и к шуму рукопашной схватки, закипевшей над нашими головами. В наступившей затем тишине в дверь каюты тихо постучали. Вошел сэр Фредрик, камзол его был залит кровью, лицо почернело от порохового дыма.

Вместе с мистером Гарди они заперли дверь, перезарядили пистолеты и попробовали шпаги. Добрый мистер Гарди осведомился о моей участи, и сэр Фредрик Райленд выразил предположение, что я укрылся где-нибудь в трюме.

Судно наше, находившееся уже во власти пиратов, куда-то двигалось. Мисс Эмили, упав на свою постель за занавеской, горячо молилась. Тем временем наверху опять возобновились выстрелы, и мистер Райленд объяснил, что началось сражение между пиратами и экипажами французских шлюпок. Бой этот был коротким – пираты заставили французов отступить.

Вскоре сквозь окно каюты спутники мои увидели приближающийся борт пиратской шхуны. Дикие, торжествующие крики раздались над нами. Я ощутил толчок и услышал топот ног по всему кораблю.

От ужаса я был близок к обмороку и уже не питал никакой надежды! Дверь затрещала, и озверелые лица грабителей появились в дверях. Мисс Эмили вскрикнула и лишилась чувств, сэр Фредрик Райленд заслониł ее своим телом, а мистер Гарди выстрелил навстречу нападающим. Он сразил одну из этих бестий, но в тот же миг сам пал мертвым под их выстрелами...»

– По-видимому, – прервал чтение мистер Томпсон, – при описании этой драматической сцены к автору вернулось чувство самообладания. Здесь, в тетради, вырвано несколько страниц, переписанных автором, очевидно, наново, так как все дальнейшее начертано довольно твердой рукой и достаточно разборчиво. Даже цвет чернил стал темнее и отчетливее. Мне уже не нужно так отчаянно напрягать зрение. Френсис, вы можете убрать лишние свечи. Итак, я продолжаю.

«Мистер Фредрик сражался, как лев, и каюта наполнилась мертвыми телами. Я выбрался из-под кровати и, воодушевленный примером такого мужества, схватил шпагу и бросился ему на помощь. Мы вытеснили нападавших из каюты и забаррикадировали дверь. Нас оставили в покое, так как французский корвет успел подойти к месту боя и открыть огонь по шхуне и пришвартованной к ней бригантине.

Оба судна загорелись от брандсбургелей и бомб корвета, пираты бросались в воду и гибли под выстрелами. Заслуженная кара постигла всех негодяев до единого, ни одного французы не оставили в живых.

Когда пламя забушевало уже рядом с нашей каютой, мы вышли из нашего убежища и стали подавать сигналы. Последняя шлюпка французов как раз готовилась отвалить.

Сэр Фредрик вынес бесчувственную Эмили из каюты, я же спас самые необходимые документы, деньги, не забыв и эту тетрадь. Через десять минут нас доставили на борт корвета «Бургундия», где отвели небольшое помещение на корме, скупо освещенное одним иллюминатором, расположенным над самой ватерлинией. Здесь мы положили мисс Эмили, еще не очнувшуюся от обморока, и вернулись на палубу, откуда экипаж корвета наблюдал за гибелью пиратской шхуны и нашей «Офейры». Наш маленький покинутый корабль стал могилой мистера Гарди: тело его, равно как и тела убитых пиратов и французов, поглотили морские волны.

Тем временем разразился тропический ливень; ветер, крепчая с каждой минутой, достиг небывалой силы, и в океане забушевался шторм, подобного которому я никогда не видывал. Судно вставало на дыбы и вдруг летело куда-то в пропасть. Сэр Фредрик привязал бесчувственную мисс Эмили к койке, иначе и ее швыряло бы о стены с такою же силой, как швыряло нас. Наконец, вцепившись в свою подвесную койку, я кое-как забрался в нее и вскоре впал в забытие.

Проснувшись, или, скорее, очнувшись, я услышал бред мисс Эмили и тихий голос сэра Фредрика. Шторм еще бушевал, хотя я проспал, как оказалось, почти целые сутки. При свете дня океан казался еще страшнее, чем ночью.

Шторм утих только к вечеру 20 апреля, и капитан «Бургундии» пригласил нас к себе. Он учтиво осведомился, удобно ли наше помещение, и расспросил о нашем звании, состоянии и целях плавания. Вместе с капитаном мы вышли на палубу. Корвет представлял собою жалкое зрелище: это был уже не корабль, а лишь остов корабля, с обломками мачт, без рангоута²¹, без единой шлюпки. Для облегчения судна капитану пришлось пожертвовать несколькими пушками.

---

²¹ Рангоут – совокупность всех деревянных приспособлений для крепления к ним посредством такелажа парусной оснастки корабля; к рангоуту относятся: мачты, стеньги, рей и т. д. – *Прим. ред.*

Французский моряк объяснил, что корвет способен лишь с трудом двигаться по курсу. Капитан намеревался достичь побережья Африки или Мадагаскара с помощью запасного паруса и мачты, которую можно собрать из обломков. Он дал нам понять, что мы получим свободу лишь после внесения нашими родственниками довольно значительной выкупной суммы. Он предупредил нас также о недостатке запасов продовольствия на корвете.

Положение наше чрезвычайно тяжелое. Единственная надежда – это бесконечное милосердие Всевышнего!

Вернувшись в каюту, мы застали мисс Эмили в прежнем состоянии. Она в бреду звала сэра Фредрика, не узнавая его самого. По-прежнему он занял место сиделки у ее ложа. Корабельный врач нашел у мисс Гарди горячку, дал ей лекарство и обещал навещать. Однако добрый медик не заметил, что на лице у нее появились красные пятна и зловещая сыпь.

Борт «Бургундии», 26 апреля.

Нам предоставлено право свободно передвигаться по всему судну. Матросы соорудили подобие двух мачт и поставили кливер и грот. Судно даже при свежем ветре делает не более четырех узлов. Нас кормят отвратительной бурдой из подмоченного риса. Запаса пресной воды должно хватить на десять-двенадцать суток. Дисциплина среди команды заметно падает. Но самое страшное – это болезнь мисс Гарди. Я уже не сомневаюсь, что она больна оспой. Скоро эту страшную новость нельзя будет держать в тайне от капитана. Боже, что станется с нами!

Борт «Бургундии», 28 апреля.

Наступила влажная тропическая жара. Мисс Эмили не поправляется, но сознание временами возвращается к ней. Ей уже известна судьба ее несчастного отца. Боюсь, что вскоре нам всем придется разделить с ним ту же бездонную могилу.

Борт «Бургундии», 30 апреля.

На борту вспыхнула эпидемия оспы. Я уверен, что кто-то из матросов-индусов принес ее на борт «Офейры» в Мадрасе, а мисс Эмили заразилась ею, когда перевязывала раненых. Теперь заболело несколько человек из экипажа. Ни мне, ни сэру Фредрику оспа не страшна – я перенес ее в детстве, и следы ее остались на лице. Сэр Фредрик тоже болел оспой в Индии и, вероятно, излечился с помощью средств, неизвестных нашей европейской медицине, самодовольной и невежественной. Черты его лица остались не обезображенными.

Мисс Гарди страдает терпеливо и молча. Нас покинули все, и появляться на палубе нам теперь запрещено под страхом смерти.

Один раз в день приносят скудную пищу и бросают в каюту через окошечко в дверях, как диким животным.

Над кораблем поднят флаг бедствия. Часть команды намерена бежать с корабля и занята сооружением плота. Плот уже спущен на воду. На корвете останутся капитан, несколько уцелевших офицеров и кучка преданных им матросов. Завтра утром непокорная часть команды покинет судно.

Все эти новости с горечью сообщил нам врач. Он продолжает навещать мисс Эмили и пока не затронут губительной болезнью.

Над мачтой развевается желтый флаг, означающий, что корабль – во власти самого грозного корсара: черной индийской оспы.

Борт фрегата «Крестonosец», 3 мая 1768 года.

Благодарение Богу, мы спасены! Но какой страшной ценой!

Третьего дня, поздним вечером, по уходе врача дверь нашей каюты забыли запереть. Сэр Фредрик тихо выбрался в коридор и проник на палубу. Его орлиные глаза даже при лунном свете разглядели на горизонте парус. Через минуту он прокрался на корму, под которой на волнах покачивался привязанный плот. Инструменты, служившие для его постройки, еще валялись на палубе. Тут же находились два длинных весла.

Захватив с собой пилу и топор, сэр Фредрик спустился по канату на плот.

Судно лежало в дрейфе, океан был спокоен, ветер почти не надувал безжизненных парусов. Сэр Фредрик увидел, что плот состоит из четырех частей, скрепленных друг с другом дощатым настилом. Распилив обвязку настила, можно было отделить длинный узкий плотик, управлять которым смогли бы без труда два человека.

Сэр Фредрик принялся пилить. К счастью, никто не обратил внимания на этот звук за кормой; матросы, вероятно, полагали, что плотники кончают свою работу.

Доска была вскоре перепилена, плотик стал разворачиваться и оказался отделенным от остальной части сооружения. Сэр Райленд зацепил плотик багром, быстро обрубил весла до нужного ему размера, вбил в бревна два толстых корабельных гвоздя в качестве уключин и одним взмахом топора разрубил швартов, удерживавший весь плот. Перескочив на свой плотик, он, стоя во весь рост и действуя одним веслом, стал направлять свое суденышко вдоль левого борта корабля к иллюминатору нашей каюты. Обо всех этих приготовлениях я, разумеется, ничего не знал, но сильно тревожился из-за столь продолжительного отсутствия нашего спутника.

Каково же было мое изумление, когда в иллюминатор просунулась рука с концом каната и голос сэра Фредрика Райленда приказал мне удерживать канат. Я помог сэру Фредрику забраться в каюту и стал вместе с ним спешно собирать самые необходимые предметы, документы и одежду. Наконец он предложил мне первому спускаться на плот.

Прошептав молитву, я полез в узкое отверстие иллюминатора и с трудом ступил на шаткое сооружение. Затем из иллюминатора показалась голова спеленатой, подобно ребенку, мисс Гарди. Я осторожно принял ее на руки и положил на настил. Сэр Фредрик бросил мне связку одеял и еще раз вернулся в каюту.

В этот момент до нас донеслись злобные крики и выстрелы. Возгласы: «Предательство!», «Смерть офицерам!», «Плот обрублен офицерами!», «К восстанию!» – перемежались с глухими ударами, стонами, выстрелами.

Сэр Фредрик тихо спрыгнул на плотик. Я взял одно весло, сэр Фредрик – другое, и мы принялись с силой грести, удаляясь от корабля, охваченного безумием бунта.

Вскоре до нас долетели крики: «Огонь на корабле!» Обернувшись назад, мы увидели на корме корабля длинный язык пламени.

В этот же момент с корабля заметили наше бегство.

«Гребите быстрее!» – крикнул мне мистер Райленд, и мы снова налегли на весла.

С грохотом распахнулся один из пушечных портов левого борта.

Канонир с дымящимся фитилем показался за орудием. Выстрел грянул, и ядро, не долетев до нашего суденышка, с шипением ушло в воду.

Внезапно все небо озарилось словно багровой молнией. Я выронил свое весло и ничком упал на плотик. Послышался взрыв, от которого, казалось, небо разверзлось и океан расступился, как в Священном Писании. На несколько мгновений я потерял сознание, оглушенный ужасным сотрясением воздуха. Затем вокруг со свистом стали падать в воду обломки дерева и куски металла; клочья черного праха оседали подобно туче. Взглянув в сторону корвета, я увидел лишь задранный кверху нос корабля, быстро погружающийся в кипящий водоворот.

«Очевидно, кто-то из офицеров решил ценою собственной жизни положить конец недостойному поведению бунтовщиков, – сказал мистер Райленд и, обнажив голову, сотворил короткую молитву по мужественному врагу, взорвавшему крюйт-камеру²² непокорного корабля. – С корвета я видел вдали парус. Будем надеяться, что нас заметят».

И действительно, в первых проблесках рассвета мы увидели в трех милях большой фрегат, двигавшийся к нам. На ровной глади моря плавали обломки погибшего корабля и качался плот. Ни одного человека, ни одного уцелевшего члена экипажа не было видно!

Взмахами белой простыни мы обратили на себя внимание. С фрегата спустили шлюпки. Через несколько минут нас окликнул по-английски мичман с первой шлюпки. Мы назвали наши имена. Каково же было мое удивление, когда этот молодой человек, услышав мое скромное имя, испустил радостный возглас и чуть не прыгнул в воду, чтобы скорее добраться до нашего плота.

«Мистер Мортон, сэр Фредрик Райленд, – кричал юноша, охваченный энтузиазмом, – скорее на борт нашего корабля! Ура, ребята!»

Гребцы, к которым относилось последнее восклицание, подвели шлюпку, но сэр Фредрик предложил им отплыть на некоторое расстояние и потребовал врача для освидетельствования важного, опасного груза. Юноша дал команду, шлюпка полетела к фрегату, и вскоре юный мичман вернулся с врачом на борту. Полный джентльмен в парике и с лорнетом спросил нас, какой груз нужно осмотреть, но, взглянув на лежащее, укрытое одеялами тело больной, догадался, в чем дело.

Мистер Райленд, перейдя на французский язык, чтобы не быть понятым командой, объяснил, что больную оспой необходимо положить на корабле в отдельное помещение, где мы, ее спутники, сможем оказать ей помощь, разделяя ее карантин. Почтенный доктор, пробормотав нечто неопределенное, удалился на фрегат.

Там долго совещались. Эти минуты ожидания были ужасны, и мне ясно представилась картина гибели на жалком плотике среди океана. С тревогой я наблюдал, как одна из спущенных шлюпок подошла к большому плоту и подожгла сооружение мятежных матросов. Очевидно, таково было приказание командира фрегата.

---

²² Крюйт-камера – место хранения огнестрельных припасов на корабле. – *Прим. ред.*

Наконец шлюпка с нашим другом мичманом снова приблизилась. Мичман держал в руках буксирный канат.

Шлюпка прибуксировала наш плотик к трапу корабля. Уже через десять минут мисс Гарди лежала на койке, а мы удобно поместились в другой части больничной каюты, разделенной перегородкой на две половины. Прислуживать нам остался матрос фрегата, негр Сэм, с обезображенным оспой лицом.

Наш юный спаситель подошел вскоре к дверям и рассказал нам, каким образом фрегат «Крестonosец» оказался в этих водах и откуда ему, мичману королевского флота мистеру Эдуарду Уэнту, известны наши имена.

Оказалось, что фрегат, направлявшийся в индийские воды в качестве британского морского охотника за призами, встретил у берегов Мадагаскара наш поредевший караван и пустился на розыски «Офейры» и пиратов. Ураган далеко отклонил и его от взятого курса. Потеряв надежду найти исчезнувший корабль, фрегат взял направление на Капштадт²³. В этот момент с корабля заметили взрыв, и он подоспел к месту крушения «Бургундии».

Судьбе было угодно, чтобы на фрегате совершал свое первое плавание в качестве мичмана мистер Эдуард Уэнт, сын мистера Монтегю Уэнта, управляющего бультонским поместьем Честерфилд. Эдуард Уэнт окончил мореходные классы в Портсмуте, моем родном городе, где воспитывалась у своей тетки моя дорогая Мери. И что же оказалось? Оказалось, что этот сорванец, этот восемнадцатилетний мистер Уэнт, самонадеянный мичманок, носит в своем бумажнике миниатюрный портрет моей Мери и склонен уже считать меня своим будущим тестем! О, моя маленькая шалунья, дай бог мне благополучно вернуться домой, в наш старый Портсмут, и я постараюсь исторгнуть из твоей милой головки всякую мысль о мичманах и морских офицерах!

Борт фрегата «Крестonosец», 17 мая.

Фрегат приблизился к африканским берегам. Мисс Эмили оправилась от своей болезни, но как она переменялась! Лицо ее потеряло нежный румянец, несколько небольших рубцов осталось на висках и на подбородке, глаза утратили свой блеск, волосы – свою пышность, но она, конечно, остается привлекательной молодой леди. Через две-три недели кончится наш карантин, мы сможем выходить на палубу.

Мисс Гарди глубоко удручена горем: потеря отца, так и не увидевшего родной Бультон, болезнь, ужасные переживания – все эти жестокие удары судьбы она переносит стойко. Но прежнюю жизнерадостную Эмили трудно узнать в этой подавленной женщине.

Борт фрегата «Крестonosец», 22 мая. Порт Капштадт.

О радость! Мы следуем в Англию на «Крестonosце»!

В Капштадте, куда мы прибыли 20 мая, мы застали весь состав нашего каравана, который будет следовать к берегам Англии в сопровождении нашего фрегата.

---

²³ Капштадт – главный город Капской колонии, на юге Африки; колония основана голландцами в 1601 году; с 1795 года Капская земля занята англичанами. – *Прим. ред.*

Жаль, что карантин удерживает нас в каюте: в Капштадте у меня имеются дальние родственники и старые друзья.

Мисс Эмили подолгу беседует с сэром Фредриком и выглядит уже несколько лучше. Благодаря соблюдению карантина зараза не проникла на корабль, и к 1 июня врач разрешил нам появиться в кают-компани.

Пока единственным моим развлечением служит эта тетрадка, которая поможет сохранить в памяти подробности трагических переживаний, выпавших мне уже на закате моих лет.

Атлантический океан, борт «Крестonosца», 1 июня 1768 года.

Уже пятые сутки находимся в плавании. Прошли в виду пустынного острова Святой Елены.

Сегодня мы были представлены командиру и офицерам корабля. С большим достоинством сэр Фредрик поблагодарил джентльменов за помощь и просил принять от себя лично чек на пятьсот фунтов для украшения судна и раздачи наград членам экипажа. Когда команда узнала об этом, мистер Райленд стал любимцем на корабле, а знание морского дела увеличило его популярность настолько, что старший офицер «Крестonosца» мистер Дональд Блеквуд шутливо предложил ему купить офицерский патент и принять командование судном. Сэр Фредрик отвечал, что если бы судьба сделала его судовладельцем, то он доверил бы свой лучший корабль мистеру Блеквуду.

Мисс Эмили держится замкнуто и мало показывается в обществе. Вероятно, причиной этому служит, в частности, и столь осязательная для всякой дамы перемена во внешности. Слезы навернулись у нее на глазах, когда ей представился, с изъявлениями восторга по адресу сэра Фредрика, юный мистер Уэнт, сын старого служащего дома Райлендов...

Теперь у нас уже отдельные каюты, со всеми удобствами.

Порт Плимут, борт «Крестonosца», 2 августа 1768 года.

Записываю эти строки дрожащей рукой в каюте, сквозь иллюминатор которой мне виден военный порт моей родины. Слышу грохот якорных цепей и команду: «На месте!»

Да здравствует старая Англия!

Боже! Храни нашего короля!

Бультон, 20 декабря 1768 года.

Чтобы закончить эту тетрадь, приписываю еще несколько строк. Поручения, полученные мною от конторы «Ноэль-Абрагамс и Мохандас Маджарами», целиком выполнены.

Мистер Райленд вступил в права наследства и уже поселился в своем поместье Ченсфильд близ Бультона. Лишь с большими хлопотами он добился прав на восстановление виконтского титула, столь легкомысленно утраченных его недалекими предками. Эти хлопоты стоили немалых затрат, но у сэра Фредрика – весьма широкие планы. Со временем он надеется вернуть своему опальному роду даже перские права и открыть себе дорогу в самые высокие сферы. Бог ему в помощь в этих начинаниях!

С искренним прискорбием он узнал о недавней смерти отца мичмана Эдуарда, достойного мистера Монтегю Уэнта, управляющего поместьем Ченсфильд. Сэр Фредрик предложил занять эту должность мне. Глубоко

удовлетворенный оказанной честью, я принял предложение и с 1 января 1769 года приступаю к обязанностям управляющего поместьем.

Мисс Эмили до окончания траура живет в Бультоне, в частном пансионе Эндрию Лоусона, бывшего служащего своего отца.

Она взяла себе в услужение негра Сэмюэля Гопкинса, помогавшего нам во время путешествия на «Крестоносце»; этот черный слуга необыкновенно привязался к мисс Эмили.

Все дела, связанные с закрытием фирмы мистера Гарди, исполнены мною строго по желанию этого добрейшего из моих клиентов. Небольшой капитал, оставшийся после ликвидации обеих английских контор фирмы Гарди, положен в «Бультонс-банк» на имя мисс Эмили.

Свадьба сэра Фредрика и мисс Эмили назначена на весну будущего, 1769 года. По желанию мисс Гарди венчание будет происходить за границей, во Франции или Италии.

На этом я заканчиваю свои записки. Свою дочь я прижал к сердцу еще в Портсмуте, где сейчас она заканчивает свое образование. Мери переедет тотчас по окончании частного пансиона ко мне в Ченсфильд. Записки эти будут сохраняться в конторе мистера Томпсона до совершеннолетия дочери.

Аминь».

Мистер Томпсон-старший закрыл тетрадь.

Первым прервал молчание Паттерсон, владелец верфи.

– Мне кажется, что мистер Уильям и мистер Ричард должны пожать благородную руку сэра Фредрика Райленда и предать забвению непреднамеренную обиду. Она представляется мне ничтожной в свете только что открывшейся нам истины, – сказал судостроитель торжественно.

– Я присоединяюсь к этому мнению, – заявил Ленди.

– Отец, я готов согласиться с джентльменами, – проговорил Ричард, глубоко тронутый прослушанной эпопеей. – Мне кажется, что после всего пережитого этими людьми разделить их было бы грешно и мелочные уколы самолюбия не должны влиять на наше отношение к этой чете.

Пастор Редлинг с удовлетворением качал головой. Только старый Уильям Томпсон, откинувшись на спинку кресла, молча рассматривал тисненую кожу переплета рукописи и не поднимал глаз на собеседников.

Едва джентльмены успели высказать свое суждение, раздался стук молотка у входной двери. Старый слуга, впусив кого-то в переднюю, появился на пороге гостиной.

– Ваш вчерашний посетитель явился снова, – доложил он хозяину.

Уильям Томпсон, решивший было, что это его супруга вернулась с заседания дамского комитета, в недоумении вышел в приемную вслед за слугою. Перед ним стоял невысокий человек, одетый в обычное платье уличных торговцев-разносчиков. Свою шляпу он держал в левой руке. Безымянный палец на этой руке отсутствовал.

– Что вам угодно, мистер Роджерс? – спросил хозяин довольно сурово. – Сейчас не совсем обычное время для деловых встреч.

– Приношу глубокие извинения, – прошептал незнакомец, отвешивая поклон, – но ваша помощь и совет нужны мне немедленно. Прошу вас еще раз уделить мне несколько минут. Сегодня утром я беседовал с Эндрию Лоусоном и с точностью установил, что стою на верном пути. Как только вы дадите мне обещанные дополнительные сведения о катастрофе «Черной стрелы», я временно покину Бультон. Мне небезопасно оставаться здесь...

Мистер Томпсон пригласил посетителя в свой кабинет и приказал слуге предупредить гостей, что он занят с клиентом, прибывшим по срочному делу.

Джентльмены откланялись, и вскоре шум их экипажей замер вдали на бультонских мостовых.

Глава вторая

Люди, нужные королевству

1

На бультонской корабельной верфи заканчивался рабочий день, но грохот кузнечных молотов, удары топоров, шарканье пил и рубанков – весь этот шум, заглушающий здесь человеческий голос, еще раздавался в доках. Изредка над колыбелью кораблей проносились чайки. Испуганные гулом и лязгом, они торопились подняться выше, где ветер развеивал чад разогретой смолы и дым кузнечных горнов.

Окруженные лебедками, блоками, строительными лесами и стремянками, высились на наклонных помостах корпуса морских кораблей. С одного из них уже убрали леса; лишь узкие мостки еще опоясывали высокие борта судна. Несколько трапов поднималось от мостков к фальшборту, другие вели вниз, к киллю.

Спуск этого корабля, самого крупного из заложенных на верфи, был назначен на завтра. Пожилой корабельный мастер Джекоб Гарвей, коренастый человек с огненно-рыжими бакенбардами, в низко нахлобученной на лоб фуражке с длинным козырьком, проверял последние приготовления к спуску. Он держал в зубах короткую трубку и негромко отдавал приказания, не разжимая зубов и выпуская клубы дыма вслед за каждым словом команды.

Уже были смазаны китовым жиром ходовые доски настила, по которым судно соскальзывает с помоста в воду. Корпус корабля удерживали на месте только мощные бревенчатые упоры.

Остов судна напоминал туловище неведомого морского животного: под обшивкой угадывался «скелет» с чудовищными ребрами-шпангоутами; высокий острый нос и плавно выгнутые линии бортов придавали корпусу сходство с диковинной рыбой, а круглая корма походила на голову кита.

Корабль не имел еще ни мачт, ни палубных надстроек – все это предстояло поставить на плаву, – но в стройных линиях длинного корпуса опытный глаз мог уже угадать отличные мореходные качества будущего «пенителя океанов».

Владелец верфи мистер Паттерсон, сопровождавший своего заказчика, сэра Фредрика Райленда, шагал по горам стружки, щепы и опилок, лавируя между штабелями бревен и бухтами канатов. Закончив осмотр корабля, они уже собирались уходить с верфи. Вдруг совсем близко кто-то громко вскрикнул от боли. Хозяин и заказчик обернулись. Несколько плотников, побросав топоры и долота, бегом бросились к противоположному борту.

– Гарвей, узнайте, что там произошло, – приказал хозяин.

– Плотник Паткинс отрубил себе три пальца на левой руке, сэр, – доложил мастер, лишь на мгновение вынув трубку изо рта.

– Это весьма досадно, Гарвей: плотник этот очень нужен нам сейчас. Сможет ли он завтра продолжать работу?

– Нет, сэр, нужен врач...

– Хорошо, я вызову доктора Грейсвелла, этого чудака из госпиталя Святого Христофора. Пошлите за доктором моих лошадей. Грейсвелл должен поставить его на ноги, хотя бы на один завтрашний день. Кстати, оштрафуйте вон тех двух молодцов, чтобы впредь не бросали инструментов и не смотрели по десяти минут на человека, которому перевязывают царапину. Гарвей, плату доктору вы удержите из жалованья Паткинса. А к следующей неделе найдите на его место другого опытного плотника. Мистер Райленд, прошу вас к себе в кабинет.

Усадив гостя за свой рабочий стол в кабинете, где все стены были уставлены и увешаны моделями, чертежами и рисунками кораблей, мистер Паттерсон принялся расхаживать из угла в угол. Гость молча рассматривал модель парусного брига, стоявшую на дубовой подставке.

– Любуетесь моделью своего «Ориона»? – спросил судостроитель. – «Окрыленный» будет еще лучшим кораблем. Он уже причинил нам с Гарвеем немало хлопот! Корабль большой, пятимачтовый, вытянутый в длину, с двухъярусными батарейными палубами. Борта опоясаны слоем каменного дуба в пол-ярда толщиной! Они непроницаемы для пушечных ядер; им мало опасен даже огонь зажигательных бомб. Корабль будет вооружен тридцатью шестью тяжелыми каронадами и таким же количеством средних морских пушек, стреляющих двадцатифунтовыми ядрами. При водоизмещении в три тысячи тонн «Окрыленный» разовьет ход до пятнадцати узлов на полной оснастке и при хорошем ветре. Мне еще никогда не приходилось выполнять столь сложные и противоречивые требования заказчика. Легко сказать: при таком ходе и такой вооруженности трюмы «Окрыленного» должны вместить груз по меньшей мере двух торговых шхун! Выполняя этот заказ с такой тщательностью, с какой еще ни одно судно не строилось на нашей верфи, я скорее руководствуюсь чувством личной симпатии к заказчику, нежели соображениями выгоды. Расходы столь велики, что постройка «Окрыленного» не обещает мне особенной прибыли...

Мистер Райленд выразил свою признательность легким поклоном, но по-прежнему сохранял молчание.

– Четвертый год, сэра, мы успешно сотрудничаем, – продолжал владелец верфи. – Корабли, построенные мною, благополучно плавают под вашим флагом. Они доставили и для моей верфи несколько ценных грузов, подчас даже, так сказать, в обход некоторых таможенных формальностей. Мне кажется, сэра, что для нас наступила пора стать более откровенными друг с другом. Мореходные и боевые качества «Окрыленного» не оставляют сомнений; подобное судно может служить только капером²⁴, сударь!..

– Не вижу причин, почему вам понадобилось такое большое предисловие, чтобы высказать очевидную истину, мистер Паттерсон!

Лицо сэра Фредрика сохраняло самое невозмутимое выражение.

– Очевидную истину? – воскликнул пораженный владелец верфи. – С каких это пор знатный английский дворянин и землевладелец, отец прекрасного и почтенного семейства, считает для себя естественным переменить образ жизни помещика и делового человека на неверный, хотя и заманчивый жребий «пенителя морей» – корсара? Ибо капер – не что иное, как корсар, узаконенный правительством!

– Во-первых, каперство поощряется британским законом и дает крупную прибыль королевской казне. Во-вторых, почему вы полагаете, что владелец корабля-капера непременно должен сам пуститься в погоню за призами?

– О, мистер Райленд, недавно мне представилась возможность прослушать несколько страниц вашей изумительной биографии, запечатленной в тетради Мортонна. Человек с вашим знанием моря, вашей отвагой и мужеством, владея «Окрыленным», не усидит дома!

Сэр Фредрик Райленд рассмеялся.

– Не могу же я, в самом деле, быть одновременно капитаном всех кораблей моей компании, управляющим всеми предприятиями, добрым хозяином имения и вдобавок командиром своего капера! Впрочем, – добавил он улыбаясь, – я не отказываюсь от мысли совершить когда-нибудь и самостоятельный рейс на «Окрыленном». Приглашаю вас разделить тогда со мной и риск и удачу, если только миссис Паттерсон не удержит вас около себя.

---

²⁴ Каперы – частные корабли, занимающиеся с разрешения правительства «охотой» за кораблями враждебных или даже нейтральных стран; владельцы каперов наживали огромные богатства, послужившие основой миллионных фамильных состояний многих крупных капиталистов современности. – *Прим. ред.*

Паттерсон задумался. Ему представились дальние моря, штормы, пороховой дым сражений, окутывающий мачты «Окрыленного», груды золота в трюмах... Риск и удача, хм! Решительный мужчина этот виконт Ченсфильд, черт возьми!

– Разосланы ли приглашения всем гостям нашего маленького праздника – спуска на воду нового корабля? – спросил Райленд.

– Все именитые люди города и графства охотно приняли приглашение. Даже леди Стенфорд.

– Леди Эллен Стенфорд? Мы с ней соседи по имениям, но мне до сих пор не представлялось случая лично с ней познакомиться.

– О, леди Стенфорд не только очаровательная, но и весьма дальновидная дама. Она овдовела два года назад и недавно, говорят, дала согласие молодому мистеру Ричарду Томпсону объявить об их помолвке.

– Вот как? – Сэр Фредрик слушал собеседника весьма внимательно. – Что же побуждает знатную, состоятельную вдову к этому мезальянсу²⁵?

– Вероятно, убедительное красноречие мистера Ричарда. Впрочем, это весьма достойный молодой человек и, кстати, сын моего старого друга, мистера Томпсона, доктора прав.

– Что ж, я буду рад познакомиться с этой леди на борту «Окрыленного». Я слышал, что она поощряла деловые начинания своего покойного супруга, сэра Джорджа Стенфорда, и, кроме того...

– Доктор Рандольф Грейсвелл, врач госпиталя святого Христофора, – прервал виконта корабельный мастер Джекоб Гарвей, входя в кабинет. Вслед за ним вошел невысокий человек в очках, щуря близорукие, добрые глаза.

Джентльмены раскланялись, и мистер Райленд направился к своему гигу²⁶.

«Рандольф Грейсвелл, – вспоминал он. – От кого же мне случилось уже слышать это имя? Кажется, это было очень, очень давно...»

2

Почтенный бультонский банкир мистер Сэмюэль Ленди, тяжело припадая на подагрическую ногу, поднимался по ступеням серого здания, где помещалась юридическая контора «Томпсон и сын». Коляска, запряженная парой раскормленных лошадей, осталась ждать у подъезда.

Тяжело дыша и прихрамывая, джентльмен прошел коридор, скупо освещенный единственным стрельчатым окном, и, отдышавшись, открыл дверь в тесную комнату.

Два клерка, не поднимая глаз на вошедшего, скрипели гусиными перьями, макая их в огромные чернильницы. Третий сосредоточенно занимался извлечением мухи из подобного же сосуда. Высокие шкафы, доверху наполненные пожелтевшими свитками документов и стопами бумаг, от одного вида которых на сердце делалось тоскливо, толстые фолианты с кожаными корешками, лежащие на полу, столы, покрытые пыльным сукном, испещренные кляксами черного, красного и зеленого цветов, – все это оставляло весьма узкий проход к двери, что вела в соседние апартаменты.

Мистер Ленди одолел этот проход и оказался в следующей, большой и грязной комнате. Узрев посетителя, целая дюжина сидевших здесь клерков разного возраста сразу схватилась за перья с видом неутомимого трудолюбия.

В конце комнаты, за нагромождением шкафов, столов и бумаг, виднелось небольшое пространство, отделенное деревянным барьером и предназначенное для посетителей. К их услу-

---

²⁵ Мезальянс – в буржуазно-дворянском обществе неравный в социальном отношении брак. – *Прим. ред.*

²⁶ Гиг – тип легкой двуколки.

гам стояли две черные скамьи с высокими прямыми спинками. Тут же, перед массивной дверью, восседал за высокой конторкой, заложив перо за ухо, очень тощий клерк в черном фраке. На двери, полускрытой портьерой, красовались две медные дощечки. На верхней значилось: «Уильям Томпсон, королевский адвокат, доктор прав». Нижняя дощечка возвещала, что за этой же дверью священнодействует также и барристер²⁷ Ричард Томпсон.

Оказавшись за барьером, мистер Ленди увидел себя в обществе пожилой женщины, державшей за руки двух мальчиков. Тощий клерк впустил женщину и ее сыновей в кабинет главы конторы и принял из рук мистера Ленди его карточку. Узнав в посетителе почтенного друга обоих принципалов, клерк согнулся в неуклюжем поклоне и пригласил мистера Ленди проследовать в кабинет.

Мистер Томпсон-старший сидел в высоком кресле за старинным голландским бюро. Тяжелая портьера с бахромой и кистями отделяла дальнюю часть кабинета, где мистер Ленди увидел пустующий стол и жесткое кресло, на котором спала кошка, воспользовавшаяся отсутствием младшего совладельца конторы.

Шкафы, внушающие благоговение своими размерами, были заперты и прикрыты занавесями. К услугам клиентов стояло несколько стульев, обитых бахромой. Мраморная фигура бога коммерции Меркурия в крылатых сандалиях и с жезлом в руке дополняла обстановку.

Владелец конторы пригласил гостя присесть и продолжал разговор с женщиной, державшей за руки мальчиков.

– Так что же вам угодно от меня, миссис Бингль? – спросил он.

– Милорд, – отвечала та, глядя на адвоката с почти молитвенным благоговением, – я пришла попросить вашего совета. Мой покойный муж служил мастером в «Северобританской компании». Когда для бультонской мануфактуры выстроили новое здание и туда стали переносить станки, с потолка упала какая-то балка. Моего Джона придавило насмерть...

– Пойдите, пойдите, миссис Бингль, я знаю об этом прискорбном случае! Эта... как ее... балка сломала новый ткацкий станок, новую машину! Вероятно, тут не обошлось без злого умысла, и сам Господь покарал вашего мужа!

– Но, сэр, несчастье произошло поздно вечером, уже в темноте. Усталых людей заставили после двенадцати часов труда еще переносить в цех эти изделия Вельзевула, эти богопротивные, мерзкие станки...

– Если вдова мастера рассуждает столь безнравственно, то чего же ожидать от остальных фабричных! Вы забываете Бога, миссис Бингль!.. Что повелел нам Всевышний в бесконечной мудрости своей, я спрашиваю вас, миссис Бингль?

Женщина испуганно всхлипнула и вытерла глаза концом своей шали:

– Он повелел нам трудиться, милорд.

Голос юриста смягчился.

– Да, миссис Бингль, от зари дотемна и в поте лица своего, вот так, как тружусь я уже более сорока лет... Поэтому не сетуйте на хозяина, который дает вам возможность трудиться по божьей воле, не сетуйте на вашего кормильца. Итак, вы лишились мужа, который пострадал, вероятно, как жертва собственного злого умысла против имущества хозяев?

– Сэр, видит бог, мой Джон был совсем не виноват в поломке машины, хотя и впрямь многие у нас только о том и толкуют, как бы поскорее поломать проклятые станки. Ведь от них и пошли все наши несчастья! Вот в Спитфильде, сказывают, мастеровые давно разбили и машины, и даже стены проклятой фабрики...

– И были за это повешены! Упаси вас боже, миссис Бингль, повторять эти безнравственные рассуждения. Неблагодарные мастеровые забывают, что своим куском хлеба они обязаны только предпринимателю. Ведь благодаря вашему хозяину, почтенному мистеру Рай-

---

²⁷ Барристер – среднее адвокатское звание в Англии.

ленду, неимущие жители нашего дорогого Бультона имеют постоянную работу в новых цехах. Я подавлен людской неблагодарностью! Разве так пристало говорить вдове цехового мастера? Зачем вы пришли ко мне с подобными мыслями и речами?

– Но, милорд, я погибаю с детьми от нужды! Пожалейте нас, ваша милость! У нас нет хлеба, мы задолжали лавочнику, управляющий грозит завтра выгнать нас из дому. Смилуйтесь над нашими несчастьями, добрый сэр! Ведь мальчики мои еще такие юные, совсем дети!

– Ваши мальчики находятся передо мною, и я не нахожу их столь юными. Вероятно, они ленятся, если нужда ваша так велика при двух больших сыновьях. Как их зовут и каковы их занятия?

– Поклонитесь милорду, дети! Подойдите ближе к господину адвокату. Вот, сэр, это мой старший, Джордж, четырнадцать лет, а это – Томас, ему еще только девять.

– Они оба, конечно, давно работают в цехах? – спросил мистер Томпсон, взглянув на красные, потрескавшиеся пальцы младшего мальчика.

– Они уволены, милорд: Том – после несчастья с их отцом, а Джордж – еще раньше. Я стираю белье на соседней, и это пока наш единственный заработок.

– Что они делали на фабрике, и за что их уволили?

– Том не имел никаких замечаний, сэр, никаких! Он у меня прилежный мальчик. Уже три года он разбирал шерсть в суконном цехе. Но, когда нашего отца задавило и сломался этот проклятый новый станок... Тому отказали в выплате жалованья: мистер Норвард приказал покрыть стоимость сломанной машины за счет нашей семьи. Тогда Томми... ведь ему только девять лет... немного дерзко поспорил, его прогнали...

– А ваш старший сын, чем он сейчас занят?

– О, сэр, Джорджи разбил мое материнское сердце! Его уволили с фабрики еще в прошлом году, он теперь... иногда зарабатывает в порту на погрузке кораблей и приносит в неделю не больше двух-трех шиллингов!

– За что же его выгнали с фабрики, где он имел верный заработок?

– Он хотел... Он очень хотел учиться рисовать, милорд... Старший мастер невзлюбил его...

– Позвольте, не этот ли молодой человек в прошлом году нарисовал ткацкий станок в виде чудовища, пожирающего людей?

– Он самый, милорд...

– Я помню, миссис Бингль, о, я все помню. Значит, это и есть тот сорванец, который нарисовал на стене цеха ужасную, безнравственную карикатуру на мистера Норварда и новые машины? И его выгнали с позором? Поделом ему, поделом! В таком возрасте – и такое легкомыслие, такие вредные затеи! Что же вы для них хотите?

– Милорд, помогите мне испросить прощение у мистера Норварда, чтобы он приказал выплатить нам хоть часть заработка моего покойного Джона... Добрый милорд, замолвите словечко, чтобы сыновей моих опять взяли на фабрику, иначе мы умрем с голоду, милорд!

– Вы сами знаете, что ваши требования к мистеру Райленду и мистеру Норварду незаконны. О выплате вам жалованья мистера Джона Бингля, вашего покойного супруга, не может быть и речи; по его недосмотру или умыслу пострадал фабричный станок. Возвращать в столь смутное время на фабрику ваших сыновей тоже, вероятно, не следует, ибо они показали себя дерзкими и непочтительными...

Женщина закрыла руками лицо, и казалось, что она вот-вот упадет от изнеможения и горя. Мистер Томпсон продолжал уже менее сухим и строгим голосом:

– Но я всегда сочувствую человеческому горю и... готов оказать вам услугу, какие редко оказываю: я дам вам рекомендацию к владельцу бультонской верфи и лично попрошу его принять в доки ваших сыновей. Сейчас мы с мистером Ленди отправляемся на верфь, и я увижу

там самого мистера Паттерсона. А вы возьмите эту записку и завтра явитесь с ней к владельцу верфи или корабельному мастеру Гарвею.

Произнеся эти слова, он взял листок с бювара и написал на нем несколько строк. Женщина, бережно спрятав листок за корсаж и низко поклонившись ученому мужу, удалилась вместе с мальчиками. Мистер Томпсон устало откинулся в кресле.

– Вот такие ходатаи целыми днями отвлекают меня от серьезных дел! Но я привык помогать своим ближним и трачу на это много сил и здоровья... Дженкинс! – крикнул он тощему клерку. – Я сегодня больше никого не принимаю. Мы уезжаем в доки, на спуск нового корабля.

– Я догадываюсь, что мистер Ричард уже отправился за леди Стенфорд, – сказал Ленди. – Она ведь тоже приглашена. Но сейчас еще только полдень, а спуск назначен на два часа дня. Не выпить ли нам пива в «Белом медведе»?

Джентльмены вышли на улицу и уселись в просторной коляске мистера Ленди. В полупустом зале гостиницы «Белый медведь» их встретил сам хозяин.

– Как дела, Гопкинс? – приветствовал его мистер Томпсон, усаживаясь за столик в глубине зала.

– Не особенно блестящие, сэр! «Чрево кита» находится ближе к порту. Все моряки и корабельные пассажиры идут в «Чрево». Я потерял много клиентов, с тех пор как этот грязный кабак с девками...

– Не ворчите, Гопкинс! Старожилы города остались верными «Белому медведю». Кроме того, у вас останавливается почта, и все пассажиры дилижанса попадают к вам.

– Это верно, мистер Томпсон. Чем могу служить вам и мистеру Ленди?

Сделав заказ, старый адвокат обратился к своему собеседнику:

– Кстати, мистер Ленди, вы когда-нибудь бывали в «Чреве кита»? Его хозяин, Вудро Крейг, очень быстро разбогател. Что представляет собою его заведение?

Ленди пожал плечами:

– Обыкновенная портовая таверна с номерами... На днях мне довелось там ужинать с сэром Фредриком Райлендом.

– С сэром Фредриком Райлендом? Вот как? – удивился адвокат, вспомнив реплики мистера Ленди во время недавнего чтения рукописи Мортонна. – Значит, в течение двух последних недель вы успели ближе познакомиться с этим джентльменом?

Мистер Ленди молча кивнул.

– А я, – продолжал адвокат, – был неожиданно ошарашен приездом его супруги. Не далее как вчера она посетила мой дом вместе с мисс Мери, дочерью Томаса Мортонна. Дамы попросили у меня рукопись, которую я читал вам. Она красивая особа, эта леди Эмили Райленд, и держится подкупающе просто.

Адвокат вспомнил о юношеской любви своего сына и задумался. Нынешний выбор Ричарда не радовал старика: в своей будущей семье молодой барристер вряд ли мог сохранить главенство...

Подкрепившись, оба почтенных джентльмена покинули гостиницу. Пара серых лошадей понесла коляску к порту и вскоре остановилась перед воротами в высоком деревянном заборе, отделявшем территорию верфи от городской окраины.

3

Две длинные гирлянды из зеленых веток и живых цветов перекрещивали могучий корпус корабля, возвышавшийся над помостом. Увитый зеленью форштевень был украшен двумя искусно вырезанными из дерева лебедиными крыльями, распростертыми в плавном полете.

На небольшом временном мостике в центре палубы, под натянутой на случай дождя парусиной, стоял с медным рупором в руке владелец «Окрыленного». Ветерок развеивал складки

его плаща, грудь камзола наискось пересекала шитая золотом перевязь шпаги, голова была не покрыта. Ранняя седина поблескивала в его густых темных, слегка курчавых волосах, заботливо уложенных парикмахером. Пренебрегая модой, он на этот раз был без своего пудренного парика с косичкой. Он стоял в центре судна один, эффектно выделяясь на голубом фоне неба.

Поодаль от помоста, с которого должен был соскользнуть на воду корабль, на дощатом возвышении собрались гости, рассматривая с любопытством доки, корабль и одинокую фигуру человека на мостике. Вокруг места, отведенного для гостей, толпились празднично одетые рабочие, пришедшие с женами и детьми.

Люди, занятые приготовлениями к спуску, во главе с мастером Гарвеем хлопотали у днища и бортов «Окрыленного». Голубая лента, которую предстояло разорвать кораблю, трепетала в порывах ветерка у самой воды. Оркестр из двенадцати музыкантов расположился на причальной стенке и настраивал трубы и литавры; глухо гудели удары в большой барабан.

На носу и на корме судна, около якорных кабестанов²⁸, выстроились двумя группами по шесть человек матросы в синих шапочках, белых блузах и черных штанах. Четырехлапые якоря блистали свежей краской. Якорные цепи уходили в черные гнезда корабельных клюзов²⁹. Пахло смолой, дегтем, пенькой, свежим деревом; люди вдыхали этот вечный, везде одинаковый и всегда волнующий запах морской пристани. Все кругом было прибрано и подметено заботливой рукой. Толпа зрителей сдержанно гудела.

Сэр Фредрик, стоя на мостике, взглянул на большую луковицу карманных часов. Они показывали ровно два.

– К спуску приготовься! – скомандовал он в рупор.

Говор и смех в толпе смолкли. Зрители замерли в ожидании.

К деревянным упорам, удерживавшим корабль, приблизились люди с топорами. Мистер Гарвей махнул рукой, и топоры врубались в дерево. Полетели щепки. Бревна звенели, как туго натянутые струны. Слышалось потрескивание. Корпус судна, чуть вздрагивая, стал оседать.

В этот миг у крайнего спереди упора произошла какая-то заминка. Поскользнувшись на густо смазанном жиром настиле, один из рабочих упал. Не видя его, плотники продолжали дружно рубить бревна. Раздался сильный треск; подрубленные опоры стали ломаться: плотники с топорами в руках успели соскочить с помоста. Крайнее бревно, около которого еще силится вскочить на ноги упавший человек, лопнуло, как спичка, и огромная махина плавно двинулась всей своей тяжестью вперед, подмяв под себя несчастного. Невольный крик вырвался у зрителей, но корабль, все ускоряя свой ход по настилу, уже летел вниз, навстречу звукам оркестра. Затрепетал в воздухе голубой шелк разорванной ленты; большая бутылка с шампанским, метко брошенная рукой матроса, стоявшего наготове около ленточки, со звоном разбилась о стройный форштевень судна. Высоко взлетели столбы брызг; мелкие щепки, стружки, ветки, цветы всплыли на вспененной поверхности моря, и корпус «Окрыленного» закачался на легкой волне.

На задымившихся, сразу почерневших досках настила среди растертого горячего жира алело еле заметное пятно. Доктор Грейсвелл, находившийся среди гостей, сделал движение, чтобы поспешить на помощь, но, увидев всю бесполезность такой попытки, остался на месте.

Пастор Редлинг, осенив крестом опустевший док и судно, где уже гремели якорные цепи, прочел короткую молитву. Рабочие поливали из парусиновых шлангов настил, остужая его холодной водой и смывая следы крови.

Тем временем с «Окрыленного», подтянутого канатами к причальной стенке, бросили второй якорь. Матросы спустили на причал широкий трап. Почетные гости, сопровождаемые мистером Паттерсоном, вступили на палубу, где слуги уже накрывали столы под тентом.

---

²⁸ Кабестан – приспособление для подъема якоря на корабле. – *Прим. ред.*

²⁹ Клюз – отверстие в борту судна для выпуска якорной цепи. – *Прим. ред.*

На берегу, вдоль причальной стенки, на длинных столах, сколоченных из досок, хозяин выставил для строителей корабля несколько бочонков рома и пива. Искоса поглядывая на опустевший док, ставший безмянной могилой их товарища, рабочие взялись за оловянные кружки. «Кровавое крещение», – говорили они своим женам, понижая голос и озираясь на корабль, где гремел оркестр, сновали слуги и шумное, нарядное общество за столом уже отдавало честь искусству поваров и виноделов.

Неприятное событие, чуть не омрачившее праздник, было предано забвению, и вскоре веселые тосты и винные пары окончательно изгладили следы его из памяти пировавших джентльменов.

Лишь за другими, дощатыми столами время от времени какой-нибудь Том или Джек с мутными от вина глазами поднимал кружку за беднягу Майка, да в убогой каморке рабочего поселка, прижавшись к мужской шерстяной куртке, рыдала старуха, узнавшая, что ей никогда больше не услышать веселого оклика с порога: «Здравствуй, мать!»

4

– Где же он назначил тебе свидание, Камилла?.. Да перестань плакать, я уже давно не сержусь на тебя.

Всхлипнув и вытерев слезы платочком, молоденькая горничная леди Эмили Райленд подняла заплаканные глаза на свою госпожу.

Легкий кабриолет с запряженным в него гнедым иноходцем катился по дороге в Бультон. Лошадью правил рябой негр в красном кафтане. На кожаной подушке сиденья, подобрав длинные юбки с оборками, рюшами и воланами, покачивались две молодые дамы. Рядом с негром сидел старый Эндрю Лоусон, бывший оценщик конторы Гарди.

– Мадам, – отвечала по-французски заплаканная горничная, – я обещаю вам, что это никогда не повторится. Я никак не предполагала, что мое легкомыслие поведет к таким серьезным последствиям. Вначале этот человек совсем не казался мне обманщиком, и лишь потом я поняла, что это какой-то опасный тайный агент. Свидание назначено там же, где я встретилась с ним в первый раз, – вон в той роще, за поворотом дороги, на поляне, окруженной кустарником. Простынный раз мы сидели там на скамеечке, мадам.

– Хорошо, Камилла, что ты сказала мне правду, хоть и с опозданием. Теперь сойди с экипажа, ступай на поляну и жди своего друга как ни в чем не бывало. Эндрю, вы пока останетесь на опушке у лошадей; потом я позову вас. Сэм, – обратилась дама к негру, – а вы идите вслед за Камиллой, скройтесь в кустарнике возле скамьи и обязательно задержите незнакомца, если он вздумает улизнуть. Я хочу сама поговорить с ним. Лошадь и кабриолет нужно спрятать, чтобы с дороги их не было видно. Я останусь здесь, у этого дерева. Когда он должен прийти, Камилла?

– В четыре часа, мадам.

– Сейчас половина четвертого. У нас есть время подготовиться к встрече. Иди, Камилла, и не делай такого несчастного лица!

Однако не успела Камилла скрыться за кустами, как в листве дерева, под которым заняла свою стратегическую позицию леди Райленд, что-то сильно зашумело, и, ломая мелкие ветки, с дерева спустился незнакомый человек.

Негр подскочил было к незнакомцу, но тот уже склонился перед дамой в почтительном поклоне и заговорил с легким чужестранным акцентом:

– Леди Райленд, ваши военные приготовления к моей встрече напрасны. Я не имею намерения избегать беседы с вами. Позвольте мне без промедления сказать вам несколько слов наедине.

– Говорите, что заставило вас шпионить за мной и расспрашивать обо мне прислугу? – С этими словами леди Райленд пошла по тропинке к небольшой полянке в глубине рощи.

Незнакомец последовал за нею. Леди Эмили опустилась на деревянную скамью. Ее собеседник заговорил, стоя перед дамой с непокрытой головой.

– Я вижу, леди Райленд, что старый Лоусон уже нарушил свое обещание оставить в тайне мое посещение!

– Да, больной старик пешком приплелся в Ченсфильд и рассказал мне все. Камилла тоже нашла в себе мужество признаться, что неделю назад она встретила здесь с человеком, который выпытывал у нее подробности о хозяевах дома. Чего вы добиваетесь этими низкими средствами?

– Вы знаете, что именно привело меня в Бультон, и должны понять, почему я искал помощника среди ваших слуг. Не мог же я, ничего о вас не зная, ожидать сочувствия от... леди Райленд! Но после всего, что я услышал от Камиллы, я готов открыть вам свое настоящее имя. Я не Роджерс и не англичанин.

– Напрасно было бы вам и пытаться выдавать себя за англичанина: наружность и акцент выдают в вас итальянца или испанца.

– Леди Райленд, я пришел на свидание и счел невыгодным изменять внешность. Если меня принуждает необходимость, я умею принять вид заправского англичанина. Тем не менее вы правы. Я действительно испанец, Фернандо Диас. Родом из Толедо. В прошлом плавал на пиратском судне штурвальным. Я страшусь произнести перед вами имя моего прежнего капитана, ибо оно вам хорошо известно.

– Вы говорите о бесчеловечном Бернардито Луисе? – тихо спросила дама.

– Да, синьора. Но Бернардито был тигром, а не гиеной. Он не пятнал себя убийством стариков и пленением женщин...

– Но он не мешал творить эти злодеяния людям своей шайки!

– Синьора, я вижу, что к Бернардито, который все же имел понятие о чести, вы относитесь строже, чем к другому лицу, чьи руки по самые локти обгарены кровью невинных.

Леди Эмили вздрогнула. Стиснув кружева своего воротника, она встала со скамьи.

– Говорите по-испански, – произнесла она побелевшими губами. – Я понимаю язык вашей родины. Чего вы хотите от меня?

– Синьора, вы являетесь наследницей покойного мистера Гарди. Прикажите старому служащему вашего отца открыть мне, в чьих руках он видел похищенный камень.

– Сначала скажите, синьор Фернандо, у кого он был похищен?

– Этот камень вручил мне сам Бернардито, чтобы я отвез его в Грецию, старой синьоре Эстрелле Луис, его матери. Я поклялся, что любой ценой доставлю старухе подарок сына. Другой камень, меньших размеров, капитан подарил мне. Два моих врага, штурман Джузеппе Лорано и боцман Вудро Крейг, в смертельной схватке отняли у меня оба камня. Это было на испанском берегу, перед выходом «Черной стрелы» в ее последний рейс... Только через полгода, весь израненный, я добрался до Греции. К матери Бернардито я явился с пустыми руками и с вестью о гибели шхуны. Эта весть догнала меня еще в Марселе – все моряки говорили тогда о прибытии в Гибралтар британского фрегата «Крестonosец». Этот фрегат подобрал спасенных с корвета «Бургундия», утопившего шхуну Бернардито... Я нашел старуху в жестокой нужде и вдобавок с внуком на руках. Оказалось, что мальчик родился, когда его отец, Бернардито, уже ушел в море. Мать ребенка, красавица гречанка, умерла во время родов. Старуха выходила ребенка и теперь в нищете живет с маленьким Диего в Пирее. Но я дал себе клятву, что найду похитителей, и вот недавно их следы отыскались. Точнее говоря, я отыскал Вудро Крейга; о втором похитителе, Джузеппе Лорано, ничего не слышно. Мой камень достался при дележе, очевидно, ему, а большой алмаз взял себе Крейг. Старый Лоусон сказал мне, что видел этот камень в Бультоне и оценил его в четыре тысячи гиней. Теперь умоляю вас, откройте, кто предлагал фирме вашего отца эту драгоценность.

– Позовите Лоусона... – приказала леди Райленд. – Эндрию, – обратилась она к старику, когда тот предстал перед нею, – прошу вас рассказать мистеру Роджерсу все, что вам известно об алмазе.

Старик взирал на испанца с нескрываемым удивлением.

– Ни за что не узнать в вас моего посетителя! – воскликнул он. – Вы, мистер Роджерс, помолодели лет на двадцать! Отроду не видывал таких чудес! – Заметив нетерпеливый жест испанца, старик вздохнул: – Что же сказать вам о том камне? В общем, вы идете по правильному следу. Действительно, поздней осенью 1768 года камень был принесен в нашу контору бывшим моряком Вудро Крейгом. Но контора не приобрела этого камня, так как трудно было предположить, чтобы столь ценный алмаз мог попасть к простому матросу или хотя бы боцману честным путем.

– А известно ли вам что-нибудь о дальнейшей судьбе этой драгоценности?

– Я не должен бы говорить об этом, но... через некоторое время меня пригласил к себе домой один скупщик драгоценностей и показал тот же камень.

– Как звали этого скупщика?

– Его имя Джеффри Мак-Райль. Он и сейчас живет в Бультоне.

– Я знаю Мак-Райля! Раньше он был моряком, а потом занялся торговлей разными ценностями. Через него Бернардито не раз продавал награбленные товары. Для чего же он вызвал вас, мистер Лоусон?

– Он спросил меня, стоит ли отдать за этот камень три тысячи гиней. Я ответил, что такая цена ниже настоящей на целую тысячу гиней.

– Что же произошло потом?

– А потом бывший бездомный моряк Вудро Крейг купил дом, винный погреб с виноградником и таверну «Чрево кита» около порта. Поэтому я полагаю, что именно он продал Мак-Райлю камень.

– Так вот кто овладел камнем! Спасибо, Лоусон, теперь я знаю достаточно. Спасибо и вам, синьора. Но прошу вас не забывать, что вы рискуете навлечь на себя крупные неприятности, если не сохраните в тайне нашу беседу.

– Я уже четыре года живу в опасности.

– Не понимаю, что заставляет вас молчать, но, в конце концов, это не мое дело. Я преследую только свои цели и не собираюсь вмешиваться в чужую игру. После того как на первом свидании Камилла рассказала об отношениях между вами и вашим мужем, я твердо решил явиться к вам и поговорить. А сегодня, ожидая Камиллу, я увидел вас и понял, что откладывать нечего! Синьора, теперь мои подозрения подтверждаются, и, быть может, мне придется столкнуться в моей тайной борьбе...

– Почему вы замолчали, Фернандо?

– Тише! Сюда идут!

Леди Эмили обернулась и увидела молодого офицера с перевязанной рукой и хорошенькую, очень молодую девушку. Они шли, держась за руки, к поляне, не замечая ни кабриолета, ни людей в роще.

Фернандо раздвинул кусты орешника позади скамейки и помог леди Райленд спрятаться. Сам он уселся на скамейке. Молодые люди, увидев, что скамейка занята, замаялись, постояли на полянке и направились к дороге. Вскоре они скрылись за поворотом.

– Вы знаете этих людей, синьора?

– Это мои добрые друзья. Молодой офицер – мистер Эдуард Уэнт, сын бывшего управляющего помещьем. После ранения, полученного этой весной, он гостит у своей матери, в Ченсфильде. Юная леди – его невеста, Мери Мортон. Я доверяю ей. Она и не подозревает, чьим орудием стал ее отец!

– Я читал у мистера Томпсона лживую рукопись Мортон и понял из нее, что игра ведется гораздо крупнее, чем я мог предполагать сначала...

– Фернандо! Мое отсутствие может быть замечено, я должна спешить. Итак, вы хотели сказать, что в вашей тайной войне за похищенные сокровища вам, быть может, предстоит столкновение с... убийцей Бернардито Луиса?

– Вы угадали, синьора. Во-первых, не годится, чтобы добыча всей стаи досталась одному. Кроме того, почему старая мать и маленький ребенок капитана Бернардито должны оставаться нагими и нищими на чужбине, когда враги Бернардито, овладев его деньгами, купаются в роскоши? Я обязан сдержать клятву, данную капитану, и вы можете мне поверить: если бы камень вернулся в мои руки, я отвез бы его в Грецию, старой синьоре.

– Стойте! На всякий случай я взяла с собой деньги. Вот здесь, в этом кошельке, сто соверенов. Возьмите их и отвезите или отошлите старухе и ее несчастному внуку... Если вам снова необходимо будет поговорить со мной или передать записку, можете прийти к негрусадовнику или известить Мери Мортон. Прощайте, синьор...

Фернандо Диас низко склонился перед молодой женщиной. Протянутую ему на прощание тонкую руку он поцеловал так, как только в ранней юности целовал выточенные из кости пальцы Пресвятой Девы в старинной часовне Толедо.

5

– Дорогой сэр Фредрик! – говорил вечером охмелевший кораблестроитель мистер Паттерсон, когда кареты и коляски увезли с верфи последних гостей, участников пирушки после спуска «Окрыленного». – Я восхищен вами! Я убежден, что именно такие люди, как вы, и нужны сейчас нашему королевству. И не я один восхищен! Сегодня вы одержали еще одну почетную победу: леди Стенфорд за столом без конца расспрашивала мою жену о вас и восторгалась вашей энергией. Вот моя рука в знак дружбы и расположения! Окажите мне честь вашим доверием и скажите, какие надежды возлагаете вы и ваша фирма на «Окрыленного»? – Мистер Паттерсон, вы когда-нибудь наблюдали плавающий айсберг, ледяную гору в океане?

– Н-н-нет, но я... не совсем понимаю, не... улавливаю связи...

– Я хочу пояснить вам, мистер Паттерсон, что подводная часть такой ледяной горы, невидимая глазу, всегда в пять-шесть раз больше ее надводной, видимой части...

– Великолепно сказано, сэр! Кажется, я начинаю угадывать смысл этих слов, хотя... еще не представляю себе всего замысла. Но ваша фирма, сэр... Ее репутация, ее бумаги, вся ее коммерческая деятельность... Я не могу предположить в этом... ничего... «подводного»!

– Слушайте, Паттерсон, я не деревенский лавочник, чтобы всю жизнь откладывать по фартигу в женин чулок! Моя фирма с фабриками и торговыми кораблями, поместье и фермы – все это со временем будет приносить немалый доход, но это дело... слишком медленное. А мне золото нужно сразу, понимаете, Паттерсон, сразу и... много! Стесняться и оглядываться нечего! В мире щедро рассеяны невероятные, сказочные богатства. Иногда их приходится искать в природе, а чаще – просто вырывать из чужих, слабых или неумелых рук, особенно цветных! Вырывать, чтобы прибирать к своим. Как говорят: «Кто смел, тот и съел». Вот зачем мне нужен «Окрыленный» и другие суда с добрыми экипажами. Поверьте, я не останусь с ними внакладе!

– Мистер Райленд, разрешите сделать одно серьезное предложение!

– Я всегда охотно принимаю дельные предложения.

– Так вот, предлагаю вам уже с этого дня разделить, как вы изволили вчера выразиться, и риск и удачу со мной!

– Игра... требует ставок, мистер Паттерсон.

– Мои свободные средства к вашим услугам. Я хотел бы, чтобы ваши широкие замыслы стали нашими замыслами и осуществлялись сообща.

– Что ж, благодарю за доверие и полагаю, что вы не раскаетесь. Мне нужны добрые компаньоны. Но должен предупредить откровенно: нервы нам понадобятся крепкие! Пусть дети наши уже не будут иметь забот. Пусть они займут кресла в парламенте, наденут мантии судей и епископов, станут министрами, лордами, графами, черт побери! А наше дело – подвести золотой фундамент под стены их будущих дворцов. Для этого хороши любые средства, лишь бы быстро давали чистоган!

– Но, сэр, на пути к... столь быстрому обогащению могут возникнуть... опасные препятствия. Законы, например...

– Ха, законы! Они нужны, чтобы держать в узде простолюдинов. Ни Кортес, ни Писарро³⁰ не заботились о законах, а захватывали целые страны со всеми богатствами, и потомки не осуждают их. Кто они были? Просто решительные ребята... Времена святош и старинных добродетельных рыцарей миновали давно. Все, что становится поперек дороги – буква ли закона, чужая ли воля, – надо сметать или умело обходить.

– Сэр Фредрик, я уже высказал свое убеждение, что именно такие люди сейчас и необходимы стране. Во мне вы нашли единомышленника! Вы могли убедиться, что я тоже не склонен к излишней осторожности. Ведь когда некоторые таможенные формальности становились нам поперек дороги, мы всегда находили способ, чтобы, так сказать, не спотыкаться...

– Отлично! Перейдем к делу. Какую сумму вы готовы вложить для начала в первые операции?

Паттерсон долго прикидывал что-то в уме и в раздумье отвечал, глядя мимо собеседника:

– Пожалуй, тысяч шесть можно бы вложить... Но каковы, сэр, ваши ближайшие планы?

– Об этом я сообщу вам после возвращения из плавания моего брига «Орион». Я уже в течение двух недель жду его со дня на день. От капитана Brentlea я ожидаю важных подробностей об одном неизвестном острове, координаты которого я сообщил капитану перед отплытием. Быть может, эти подробности откроют мне, я хочу сказать – нам, довольно заманчивые перспективы. В недалеком будущем солидную выгоду сулит мне одна экспедиция в глубь Африки. Обе мои шхуны – «Глория» и «Доротея» – уже там, у африканских берегов...

– Черное дерево? Слоновая кость? Не так ли, сэр Фредрик? – Паттерсон смотрел на собеседника с любопытством и жадностью.

– Нет, мистер Паттерсон, черная кость, простите мне эту шутку! Черная кость, точнее – черные руки! Хлопковым и сахарным плантаторам нужны руки, черные руки в железных браслетах. Миллионы черных рук требуют американские колонии, мистер Роберт!

– О, я понял вас, сэр! Очень, очень разумное помещение капитала!.. Как только «Орион» вернется, мы поставим его в док, оборудуем на нем батарейные палубы и оснастим корабль заново. Работа над ним пойдет днем и ночью. О! Колонии и плантации с нашей помощью будут получать много этих черных рук, украшенных железными браслетами!

И две белые руки, украшенные золотыми перстнями, соединились в крепком, долгом пожатии.

6

Джеффри Мак-Райль, полнеющий брюнет с розовыми щеками и холеными усиками (он сохранил их в память о неудавшейся военной карьере), вернулся после спуска «Окрыленного» в свою холостую квартиру, которую делил с моряком Джозефом Лорном. Большую часть своего

---

³⁰ Кортес (1485–1547) – испанский завоеватель Мексики; Писарро (1475–1541) – испанский завоеватель Перу; оба провалились неслыханными зверствами над населением покоренных стран. – *Прим. ред.*

времени Лорн проводил в море, и потому домик на Гарденрод почти круглый год находился в распоряжении одного Мак-Райля. Квартиру эту он снимал у вдовы-немки Гертруды Таубе, боготворившей своего постояльца. Она ухаживала за ним так, как только сентиментальная немка способна ухаживать за избалованным мужчиной.

Чистенькая, свежеекрашенная решетка отделяла от улицы уютный одноэтажный домик, приветливо глядевший на прохожих четырьмя окнами фасада. Окна завешивались гардинами и шторами; фрау Таубе собственноручно два раза в год красила эти занавеси в... кофейной гуще. Вокруг домика росли яблони и груши, под окнами красовались две цветочные клумбы, похожие на кондитерские торты и распространявшие по вечерам одуряющий запах цветов табака. В глубине двора, среди каштанов и грабов, виднелся крошечный флигель самой хозяйки. Вместе с Джеффри в доме жил его слуга, мулат Энрико Рой, приводивший хозяйку в отчаяние своими чересчур холостяцкими привычками, отсутствием уважительности и способности к круглосуточному ничегонеделанию. Здоровый сон был его главным времяпрепровождением.

Хозяин долго стучал в запертую дверь своего жилища. Наконец он полез в глубокий карман своего камзола и извлек ключ. Отомкнув входную дверь, хозяин застал своего слугу храпящим на огромной ковровой тахте. Комната с этим восточным ложем служила в квартире Мак-Райля и будуаром и кабинетом. Довольно бесцеремонный пинок ногой сбросил Роя с тахты.

– Убирайся к дьяволу, животное! – коротко приказал хозяин. – Сейчас я буду принимать здесь гостей.

Мулат потянулся так, что кости в его суставах затрещали. Он широко зевнул, почесал голову и сплюнул. Эти изящные манипуляции не показались хозяину необычными.

– Послушай, Мак, – обратился слуга к господину с фамильярностью, не совсем принятой для лиц его звания, – какого черта ты все еще болтаешься в Бультоне? Я слышал, что Джакомо давно гонит тебя в Голландию на подмогу Джузеппе, по делам этого старого дурака Ленди.

– Во-первых, не суй своего носа в дела, которых ты не понимаешь. Во-вторых, готовь дорожный сундук, потому что на днях я уеду. В-третьих, сколько раз нужно долбить в твою глиняную башку, чтобы ты выбросил из нее слово «Джакомо», а говорил бы...

– Ладно, виноват, обмолвился! Значит, ты, Мак, поедешь в Амстердам? Ах, рыба кость тебе в глотку, славно же ты гульнешь в голландских трактирах! А что делать мне?

– Валяться на этой тахте и строить куры фрау Таубе, пока не придет «Орион». Тогда сэр Фредрик найдет тебе занятие. Из Голландии я скоро вернусь вместе с Джузеппе Лорано, и тогда...

– Эй, Мак, вот ты и сам проговорился: сказал «Джузеппе Лорано»!..

– А, черт! Я хочу сказать, что после моего возвращения из Голландии в обществе мистера Джозефа Лорна нам, возможно, придется совершить небольшую воскресную прогулочку по делам высокорожденного наследственного виконта Ченсфильда, сэра Фредрика Джонатана Райленда.

– Какую прогулочку? Куда?

– Совсем недалеко: маленький пикник к берегам Африки, Америки и в индийские воды.

– Опять чертовы индийские воды! Не повезло тогда одноглазому Бернардито с этой индийской экспедицией!

– Зато повезло кое-кому другому!..

– Зачем же мне тащиться вместе с вами?

– Как – зачем? Не могу же я пускаться в путь без преданного и высоконравственного слуги! Довольно болтать! Проваливай в свою дыру, живо! Идут Райленд и банкир Ленди... Добро пожаловать, господа! Энрико Рой, вы свободны... Мистер Ленди, могу вас обрадовать, что от Джозефа Лорна получены сегодня из Амстердама хорошие вести по интересующему вас делу.

– О, нынче день сплошных удач! Какую же сумму наличными предлагают ему ростовщики?

– В английских деньгах от пятидесяти до шестидесяти тысяч фунтов³¹ за двадцать шесть камешков.

– Мистер Райленд, как вы находите эту цену за ваши фамильные драгоценности?

– Неплохая цена, особенно если принять во внимание одновременную продажу большого числа бриллиантов и негласный характер этой операции.

– Вы мой спаситель, сэра Фредрик! Я никогда не забуду этой услуги в тяжелую для меня минуту. Вы приносите в жертву фамильные бриллианты, чтобы поддержать «Бультонс-банк» в самый критический момент. Поверьте, что отныне интересы «Северобританской компании» станут на первое место при всех операциях «Бультонс-банка». Когда же я смогу получить эти деньги, вырученные за продажу камней?

Фредрик Райленд вопрошающе взглянул на Мак-Райля. Ленди переводил взгляд с одного на другого.

– Полагаю, что недели через две Мак-Райль и Джозеф Лорн уже доставят вам всю эту сумму полностью. Можете готовить вексель на шестьдесят тысяч, мистер Ленди.

Банкир с чувством пожал руку мистеру Райленду.

– Теперь, когда с делами покончено, мы, может быть, проведем остаток вечера в «Чреве кита»? – предложил Мак-Райль.

Однако банкир, сославшись на усталость, уже встал, чтобы ехать домой. Мак-Райль вышел проводить обоих гостей и наблюдал с крыльца, как джентльмены занимали места в просторной коляске владельца банка.

В порту замигал маяк, и прозрачная летняя ночь зажгла над городом свои неяркие звезды.

Мак-Райль вернулся в дом. Мулат уже снова спал, раскинувшись на циновке в отведенной ему каморке.

– Животное! – процедил Мак-Райль и со свечой в руке отправился в свой кабинет.

Здесь было душно и еще держался крепкий запах сигары Райленда. Мак-Райль чихнул, отворил окно и выглянул в садик. Свет его свечи упал на пышный куст акации, покрытый тоненькими зелеными стручками. Мак-Райль вспомнил, как в детстве он мастерил себе свистульки из этих стручков, и вздохнул.

– Надо покончить с делами, найти себе жену, уехать в Америку и растить детей... Вам пора подумать о вашей старости, мальчик Джеффри! – разговаривал сам с собою постоялец фрау Таубе; при этом он уже успел стащить с себя лиловый камзол и развязать широкий узел своего галстука.

Почему-то подобные мысли всегда посещали Мак-Райля перед сном. Он долго плескался у умывальника, втирал какие-то благовония в холеную кожу щек, а затем внимательно осмотрел свой парик, бережно распыленный на специальной подставке, и расчесал гребеночкой несколько локонов.

Напоследок, когда ночной туалет мистера Мак-Райля был окончательно завершен, джентльмен вставил свечу в ночник, снял нагар и забрался в постель. Фрау Таубе приучила его спать на перине; он погрузился в нее, как в морскую пучину, и уже блаженно прикрыл веки, как вдруг почувствовал холодную струю ночного воздуха из открытого окна.

– Рой! – крикнул он в полутьму. – Грязная свинья!.. Обязательно скажу Джакомо, чтобы убрал от меня это животное; пусть пристраивает его куда хочет или берет к себе! Рой, скотина!

---

³¹ Английская денежная система отличалась сложностью; плату за некоторые виды товаров и услуг было принято вносить в гинеях, другие предметы оплачивались в фунтах стерлингов; кроме того, имели хождение кроны, полукроны и т. д.; До 1971 года соотношения между денежными единицами были такие: 1 фунт стерлингов = 20 шиллингов 1 полукрона = 2,5 шиллинга 1 флорин = 2 шиллинга 1 шиллинг = 12 пенсов 1 грут = 4 пенса 1 пенни = 4 фартинга. – Прим. ред.

Попытки дозваться мулата были тщетны. Мак-Райль знал это по долголетнему опыту.

Чертыхнувшись, он наклонился за ночными туфлями, но не успел еще надеть их, как услышал шорох в кустах акации под окном. Подняв голову, он увидел человека в полумаске, одним прыжком вскочившего из садика на подоконник.

В следующее мгновение удар свинцовой перчатки в грудь сбросил Мак-Райля с постели. Незнакомец придавил его к полу и приставил к горлу нож.

– Я пришел за своим камнем, Мак-Райль, – послышался свистящий шепот. – Ты отдашь мне мой камень, или я перережу тебе горло, собака!

В комнате царил полумрак. От свечи, мерцавшей в ночнике, падал слабый свет, колеблемый ветром из окна. При каждом дуновении по стенам и потолку метались смутные тени.

Мак-Райль шевельнулся.

– Пусти! – прохрипел он. – Кто ты и какой камень требуешь?

– Голубой алмаз с желтым пятнышком на нижней грани. Я знаю, камень у тебя. Ты взял его у Черного Вудро за три тысячи гиней. Говори, отдашь ты мне камень?

– Камень я давно продал. Он не стоил таких денег! Кто ты?

– Если ты продал мой камень, отдай четыре тысячи гиней, которые ты выручил за него.

– Что ты, это же груда золота! Во всем доме у меня нет и десятой доли такой суммы!

– Слушай меня, Мак-Райль! Я пришел либо взять камень или деньги, либо убить тебя. Даю тебе одну минуту. Я буду считать до шестидесяти. Вставай, зажги вторую свечу и не вздумай хитрить! На счете «шестидесят» я разможу тебе череп, если камень или деньги не будут у меня в руках.

Незнакомец в полумаске поднял Мак-Райля и поставил его на ноги. Затем он отскочил к окну, задернул занавеску и, наведя в лоб Мак-Райлю пистолет, взвел курок.

– Один... два... три... Когда я тебя убью, я перерою весь дом и все равно найду... десять... твой мулат спит, его умел будить один Бернардито... Двадцать.

– Стой! Ты из людей Бернардито?

– Тридцать... Торопись, скупщик, пощады не жди...

– Послушай! Я был другом Бернардито!

– Сорок... ты обманывал и его, скупщик...

– Повторяю тебе, у меня нет ни камня, ни денег!

– Пятьдесят... Значит, ты живешь последние секунды, Лисица Мак!.. Пятьдесят один...

– Постой, я достану камень, он в другой комнате!

– Тебе чертовски не повезло, Мак-Райль, в другую комнату я тебя не выпущу... пятьдесят два...

Мак-Райль наклонился над плиткой паркета в углу и топнул ногой.

– Да стой же!

– Пятьдесят пять... Ты почти труп, Джеффри Мак-Райль!.. Пятьдесят шесть...

– Брось мне нож, проклятый пират! Я должен поднять паркетную плитку!

– Пятьдесят семь...

Незнакомец швырнул Мак-Райлю перочинный ножик с ночного столика. Тот поймал его на лету.

– Пятьдесят восемь...

Мак-Райль поддел ножом дощечку паркета и отшвырнул ее в сторону.

– Пятьдесят девять!

Из-под дощечки появился сверток, обмотанный тряпкой. Мак-Райль швырнул его под ноги незнакомцу.

– Повежливее, Мак! Разверни сверток и покажи камень. За обман – смерть без пощады!

Руки плохо повиновались скупщику. Когда тряпка отлетела в сторону, незнакомец увидел маленький футляр из замши. Мак-Райль расстегнул его.

В жалком свете ночника и второй свечи, зажженной Мак-Райлем, из футляра выглянула как бы огромная твердая капля утренней росы. Но едва лишь рука Мак-Райля с камнем чуть повернулась, в прозрачной глубине этой капли вдруг вспыхнула зеленая искра. В следующее мгновение от едва заметных движений руки, державшей алмаз, грани чудесного камня стали испускать в свете двух свечей то красные, то синие, то оранжевые лучи.

Два человека, как замороженные, глядели на волшебную игру алмаза.

Первым опомнился Мак-Райль. Зажав камень в кулак, он наклонил голову и, как бык, ринулся на человека в полумаске.

Неуловимо быстрым движением свинцовой перчатки, надетой на левую руку, тот ударил атакующего в лицо, снизу вверх.

Падая на колени, Мак-Райль вцепился в руку, нанесшую удар. Он ощутил, что одно гнездо свинчатки было пустым – на руке у незнакомца не хватало безымянного пальца... Потом в мозгу Мак-Райля разом вспыхнули все искры и лучи бриллианта: теряя сознание от нового удара, он выпустил руку незнакомца и тяжело грохнулся на пол.

В ту же ночь из Бультона в Шербур отошел пакетбот³². На борту в числе немногих пассажиров находился бедно одетый испанец. Завернувшись в плащ, он сидел среди ящиков и мешков, сваленных на корме суденышка, и, казалось, один не страдал от морской болезни, жестоко мучившей остальных путешественников. Руки его в черных перчатках опирались на палку. Свой дорожный мешок он положил себе под ноги.

На груди у пассажира под плащом и грубой курткой висел маленький кожаный мешочек. Время от времени он бережно ощупывал его рукой. Измученные болезнью соседи не обращали на него никакого внимания.

На рассвете, когда ветер стал свежее и пакетбот то и дело зарывался носом в пенистые воды, навстречу, шумя парусами, прошел большой торговый бриг. Испанец взгляделся в красивые очертания брига и с трудом разобрал на носу надпись, выведенную крупными белыми буквами: «Орион. Порт Бультон».

В Шербуре, не теряя времени, испанец пересел на французское судно, отправлявшееся в греко-турецкий порт Пирей.

---

³² Пакетбот – небольшое судно, перевозящее почту. – *Прим. ред.*

Глава третья Островитяне

1

Заря ясного летнего дня сообщает любому ландшафту несколько идиллический оттенок. Смягчает она и суровость пейзажа английского севера, где небо редко очищается от туч, а холмы и долины – от скучной пелены дождя и тумана. Известно, что в окрестностях Бультона, где расположено поместье Ченсфильд, легко схватить ревматизм и трудно отделаться от сплина³³.

Но в конце июля, уже в преддверии сереньких осенних дождей, здесь бывают удивительные дни – ясные и светлые, превращающие Ченсфильд в прелестнейший уголок.

В такой погожий июльский денек, почти на рассвете, когда пушистые облака уплывающего ввысь тумана были еще розовыми, леди Эмили Райленд шла по берегу длинного узкого озера, окруженного парковой зеленью. На светло-сером платье и голубоватой шали оседали росинки; свежий солоноватый ветерок с океана играл концами шали, а в глазах молодой женщины отражались солнечные блики, игравшие на воде.

Проворные белки, цокая и щелкая, перескакивали с дерева на дерево; дятел усердно стучал где-то вверху. Совсем близко от леди Райленд на дорожку выскочила лань. Не испугавшись владелицы поместья, животное осторожно спустилось к берегу и наклонилось к самой воде. Леди Эмили остановилась, чтобы не спугнуть зверя.

Внезапно лань вздрогнула, метнулась в сторону и в два прыжка исчезла в кустах парка. Кто-то быстро бежал по дорожке на другом берегу озера. Леди Эмили узнала Антони, молодого грума сэра Фредрика. Досадуя на нарушенный покой, молодая женщина направилась к дальней беседке в самом запущенном и глухом углу парка. Здесь она углубилась в чтение рукописи, полученной ею два дня назад у мистера Уильяма Томпсона.

Все ставни старинного дома Райлендов были еще наглухо заперты, когда Антони, потревожив свою госпожу на ее ранней прогулке, прибежал наконец к заднему крыльцу дома.

Юноша постучал в одно из нижних окон. Камердинер впустил его. Поднявшись во второй этаж, Антони оказался перед дверью верхнего кабинета. Сначала он постучал робко, потом погромче. Наконец дверь отворилась. Сэр Фредрик, в халате и без парика, впустил юношу и положил ему руку на плечо, не давая пройти в глубь кабинета.

– Сэр, – торопливо сообщил Антони, запыхавшийся от быстрого бега, – паруса «Ориона» показались на горизонте. Часа через два судно войдет в порт. Я разглядел его в вашу подозрительную трубу, милорд! Третьего дня, когда вы поднимались со мною на скалу в бухте Старого Короля, был шторм, а нынче безоблачный день и даль видна чуть ли не до самой Ирландии!

– Тише, Антони! А не ошибся ли ты?

– Я узнаю «Орион» среди тысячи других кораблей, милорд! Ведь на нем мы прибыли сюда из Италии...

– Хорошо, мальчик! Вот тебе гиней за усердие... Теперь ступай отдыхать. Или у тебя есть еще новости?

– Сэр! Моя сестра... Я хочу сказать, сэр, что Доротея вскоре перестанет быть няней Чарли, и тогда...

---

³³ Сплин – хандра, тоскливое настроение; раньше считался специфической английской болезнью, вызываемой климатом Британских островов. – *Прим. ред.*

– Ступай, Антони, и никогда не тревожься за судьбу своей сестры, – прервал юношу хозяин дома.

Выпроводив его, мистер Райленд прошел в комнату, смежную с кабинетом. Это была его личная спальня, расположенная по соседству с комнатами его супруги, но отделенная от них стеной с наглухо забитой дверью.

В своей опочивальне владетель поместья подошел к молодой черноглазой женщине, державшей на руках спящего кудрявого ребенка. Женщина сидела у постели сэра Райленда. Голос Антони испугал ее, и она в смущении прижалась к изголовью.

Владетель поместья успокоил ее тихими, ласковыми словами. Осторожно, чтобы не потревожить ребенка, он поцеловал ее в розовые губы, с нежностью коснулся сжатого кулачка мальчика и вернулся в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Затем он позвонил камердинеру, совершил с его помощью утренний туалет, надел синий камзол, похожий на офицерский морской мундир, и, взглянув на себя в зеркало, остался доволен своей внешностью.

Надушенный, в тщательно завитом и напудренном парике и маленькой треугольной шляпе, он вышел в коридор и в дальнем конце его постучал в дверь покоя своей жены. В приоткрывшуюся дверь выглянула Камилла, горничная леди Эмили.

Услышав, что леди вышла на прогулку, владетель поместья, казалось, несколько встревожился. Пройдя через парк и миновав горбатый мостик, перекинутый над самой узкой частью озера, он поспешил к излюбленной беседке своей жены. С большой осторожностью он подошел к кустам, окружавшим маленькое сооружение, похожее на индийское бунгало³⁴. Увидев в окне беседки склоненную голову жены, виконт тихонько отступил назад, в чашу, быстро вышел из парка, и через несколько минут маленький гиг, запряженный гнедой кобылой, вынес его из ворот усадьбы на дорогу, ведущую к городу и порту.

Усадьба вновь словно замерла. Но вот задымили трубы кухонных очагов, слуги вынесли из гостиной большой ковер и принялись палками выбивать из него пыль. Дворня просыпалась. В доме одна за другой открывались ставни. Вышла в сад черноглазая Доротея с маленьким Чарли на руках и присела с ним на краю солнечной лужайки.

Помощник садовника, высокий негр с обезображенным оспой лицом, обошел оранжерею и, присев у задней стены, примыкавшей к усадебной изгороди, закурил большую черную трубку.

С наслаждением затянувшись, он внимательно огляделся и заметил, что прямо через луг к усадьбе пробирается человек в одежде матроса. Негр перебрался через изгородь и поманил матроса к себе. Они обменялись несколькими фразами. Матрос сжал в кулаке монету, перешедшую из черной руки в белую, и, весело посвистывая, пустился в обратный путь.

– Что вам нужно, Сэм? – спросила негра госпожа Райленд, когда помощник садовника с осторожностью приблизился к окну ее беседки. – Не Роджерс ли, наш вчерашний знакомый, появился снова в Ченсфильде?

– Нет, приходил портовый матрос. Два часа назад бриг «Орион» показался на горизонте. Сейчас он, вероятно, уже на бультонском рейде.

Кровь отлила от лица молодой женщины. Комкая в руках кружевной платочек, леди Райленд торопливо направилась к домику управляющего поместьем.

Негр незаметно вернулся в оранжерею.

2

На океанском бриге «Орион» убирали паруса. Не входя в гавань, судно бросило якорь на рейде, ожидая прибытия портовых чиновников.

---

³⁴ Бунгало – легкая индийская постройка с верандой. – *Прим. ред.*

Гребной двенадцативесельный катер отвалил от причального пирса и полетел к брига. Три человека стояли на корме. Двое из них, таможенные чиновники в морских мундирах, с трудом удерживали равновесие. Третий, высокий горбоносый джентльмен в плаще, накинутом поверх синего камзола, стоял неподвижно, пристально вглядываясь в очертания корабля.

Катер подвалил к носовому трапу корабля. Матросы разом осушили весла. На рейде стояла такая тишина, что было слышно, как падают капли с поднятых над водой весел.

Три джентльмена, встреченные капитаном, поднялись на палубу, блиставшую безупречной чистотой.

– Поздравляю вас, капитан Brentley, с благополучным возвращением на родину!

– Рад приветствовать вас на вашем корабле, мистер Райленд, – ответил капитан, обменявшись рукопожатием с владельцем «Ориона».

В сопровождении капитана и боцмана Ольсена, огромного норвежца с седыми баками, чиновники уже собирались было приступить к проверке грузов и просмотру документов, но повар-китаец пригласил всех гостей в капитанскую каюту.

Здесь джентльменов ждал накрытый стол. Рядом с приборами, блистающими золотом и серебром, стояли накрахмаленные салфетки. Огромная рыба с устрашающей мордой, бутылки с сухими испанскими винами, паштет из дичи, блюдо устриц, спаржа под острым соусом, редкие фрукты в серебряной вазе, горьковатое миндальное печенье и сыр четырех сортов – вся эта благодать несколько смягчила постное должностное выражение лиц обоих чиновников.

Когда наконец все встали из-за опустошенного стола, таможенные чиновники, утирая огромными платками красные, залоснившиеся лица, направились к трюмам. Они выразили готовность удовольствоваться присутствием в трюмах одного боцмана и любезно оставили капитана в обществе мистера Райленда.

Безгласный китаец мгновенно сменил скатерть и сервировал на столе кофе с французским коньяком и ликерами из погребов славного монастыря Святого Бенедикта. Капитан разложил между рюмками карту последнего рейса «Ориона».

– Все ваши пожелания, сэр, мне, благодарение Богу, удалось выполнить. Рейс оказался на редкость удачным. Как вы, должно быть, припоминаете, мы вышли в плавание двадцать месяцев назад, в конце семидесятого года, направляясь в Чили...

– Мистер Brentley, я регулярно получал ваши отчеты по почте и знаю все, что произошло на корабле, за исключением событий последних четырех месяцев. Почему вы перестали посылать доклады?

– Почта не пришла бы в Бультон раньше нас, сударь. Полный отчет вы найдете в корабельном журнале, деньги и чеки находятся здесь, в этом шкафу, а сейчас я расскажу все вкратце.

– Остров, Brentley! Сначала про остров! Нашли вы его по моим координатам?

– Да, сэр, этот остров я нашел, но разрешите мне рассказать по порядку... Выйдя из Мельбурна...

– Стойте! Человек на острове жив?

– Да, сэр, он жив, но опоздай мы недели на две, самое большее на месяц, и ему бы уже несдобровать. Он терпел страшную нужду. Теперь он обеспечен всем необходимым и просил передать письмо...

– Мне?

– Нет, он просил вручить его мисс Гарди. Я хочу сказать, леди Райленд, сэр.

– Вы передали ему запечатанный пакет?

– Да, сэр, пакет перешел из моих собственных рук в его руки.

– Поручал ли он что-нибудь сказать мне, капитан?

– Нет, сэр.

– Дайте мне письмо для леди Райленд.

– Сэр, человек на острове поставил обязательным условием, чтобы письмо было отдано прямо в руки леди. Я обещал...

– Капитан Brentлей!

– Я не могу нарушить свое слово, сэр!

– Хорошо... Пусть пакет пока останется у вас. Вы сами доставите его ко мне домой. Сегодня, в шесть вечера, я жду вас к обеду. Письмо вы передадите в моем присутствии, капитан!

– Слушаю, сэр, и готов исполнить любое приказание, не идущее вразрез с моей совестью.

– Капитан Brentлей! Уж не полагаете ли вы, что я намеревался поссорить вас с вашей чувствительной совестью?

– Нет, сэр, но мне показалось...

– Выбирайте впредь ваши выражения, капитан. Боюсь, что в море вы несколько отвыкли от общества, мистер Brentлей!

– Возможно, сэр. Примите глубокие извинения за мою ошибку.

– Карта острова?

– Она здесь, среди этих бумаг.

– Координаты оказались точны?

– Нет, сэр. Долгота была указана вами неверно; широта почти совпала с вашими данными, но по долготе остров оказался западнее на полтора градуса.

– Вероятно, приборы на моем корабле тогда утратили точность, и я ошибся в вычислениях... Хорошо, Brentлей, я весьма доволен, и вы получите вашу премию. Сегодня, отправляясь ко мне, возьмите с собою двух человек для охраны и доставьте мне кассу, журнал, карту и документы, относящиеся к острову. Не забудьте письма! Вы расскажете мне подробнее обо всем плавании.

– С радостью, сэр.

– Чиновники, я вижу, уже окончили осмотр. Полагаю, что ваше гостеприимство сделало их сговорчивее. Я тоже принял для этого кое-какие предварительные меры. Узнайте результаты.

Капитан вышел и через минуту вернулся в каюту:

– Сэр, судну разрешено беспрепятственно возвратиться на берег.

– Я отправляюсь вместе с ними. До вечера, мистер Brentлей!

3

Когда катер подвалил к причальной стенке пирса, сэр Фредрик увидел своего кучера, державшего под уздцы лошадь,пряженную в гиг. Рядом стоял кабриолет, в котором сидела леди Эмили Райленд с дочерью управляющего помещьем, хорошенькой Мери Мортон. Едва катер коснулся пирса, молодая дама нетерпеливо выскочила из кабриолета и одна пошла навстречу прибывшим с «Ориона». Оба чиновника почтительно ее приветствовали. Они поторопились пройти вперед и оставили леди наедине с супругом.

Слабый ветерок раздувал пушистые волосы женщины. Стоя на пирсе против сэра Фредрика, она прямо и строго смотрела ему в глаза.

– Что за пыльные поступки? – спросил он недовольным тоном, отводя взгляд в сторону. – Вам не следовало приезжать сюда. Прошу вас соблюдать общеизвестные условности, миссис Райленд.

– А я прошу вас не называть меня этим именем, когда нас никто не слышит. Отвечайте мне прямо: он жив?

По лицу ее собеседника прошла судорога. Желваки заходили под скулами. Стиснув зубы, он молчал.

– Не доводите меня до отчаяния! Или вы боитесь сказать мне правду? Я вынесу все и немедленных мер принимать не стану. Но – слышите вы! – еще минута молчания, и я брошусь сейчас вниз головой с этого пирса!

– Он... жив, – процедил собеседник.

– Доказательства! Где доказательства, что вы не лжете мне так же, как лжете всегда всему миру?

– Сегодня вечером, дома, капитан Brentley вручит вам его письмо. Дайте мне слово, что без меня вы его не вскрыете.

– Нет, такого слова я вам не дам.

– Тогда письмо будет уничтожено раньше, чем вы его прочтете.

– Берегитесь довести меня до отчаяния...

– Чего мне опасаться? «Орион» – быстрое судно, и я еще не отвык от моря, каррамба! – произнес он свирепея.

– Наконец-то я снова узнаю вас! Я уже привыкла видеть вас в маске джентльмена. Слава богу, теперь вы заговорили своим настоящим языком. Хорошо, я прочту письмо в вашем присутствии.

– Этого мало: я тоже должен прочесть его.

– Что ж, Фред знает, в чьих руках я нахожусь, и, вероятно, догадывается о возможном круге читателей своего письма. Я вынуждена согласиться. Но если вы обманули меня, то, клянусь, ни «Орион», ни силы самого ада, которые вам покровительствуют, не спасут вас от заслуженной участи! Пропустите меня вперед! Не прикасайтесь ко мне, я дойду до коляски одна!

4

В кабинет сэра Фредрика проследовали только четыре участника торжественного обеда, сервированного в столовой на два десятка персон и продлившегося часа два. Хозяин дома плотно прикрыл дверь кабинета, когда леди Райленд, капитан Brentley и мистер Томас Мортон разместились в креслах у стола.

Капитан Brentley достал из-за обшлага своей широкой манжеты небольшой пакет, запечатанный сургучом. Три его собеседника молча склонились над пакетом. Сургуч хранил оттиск старинного золотого католического образка, использованного автором письма вместо печати.

Леди Эмили приняла письмо дрожащей рукой и поцеловала оттиск на сургуче.

От капитана это движение, впрочем, ускользнуло. Пригубивая вино из узкого венецианского стакана и покуривая длинную пенковую трубку, поставленную меж колен, капитан Brentley начал повествование о плавании.

Сумерки уже ступали, когда он завершил описание всех грузовых операций и рейсов «Ориона» между портами Америки, Африки, Индии и Австралии за два года. Штормы, подводные рифы, корсары, суда вражеских стран и заразные болезни – все эти препятствия и опасности не помешали опытному моряку доставить в Англию тысячу гиней чистой выручки и полные трюмы товаров, принятых на борт в Индии и Австралии.

Пока хозяин судна слушал рассказ капитана, два матроса, прибывшие с ним в Ченсфильд, восседая на кухне среди слуг мистера Райленда, тоже поражали воображение слушателей подробностями о плавании. Заработок команды за этот рейс был таков, рассказывали они, что на прилавке таверны «Чрево кита» нынче с самого утра звенит золото, и много веселых ночей предстоит в Бультоне морякам «Ориона»!

Капитан Brentley закончил свой доклад описанием поисков неведомого острова в Индийском океане. Координаты этого острова капитан получил от владельца судна перед самым отплытием из Бультона, в ноябре 1770 года, и обязался сохранить их в глубокой тайне.

Остров этот, как пояснил тогда сэра Фредрик, был им случайно открыт в годы ранней молодости. По заданию виконта капитан Brentley должен был обследовать эту неведомую землю и вручить пакет единственному обитателю острова, если бы тот оказался жив; в случае же, если бы экспедиция не обнаружила островитянина, пакет подлежал возвращению в руки владельца Ченсфильда. Капитан Brentley получил также строгое указание, чтобы ни один член экипажа не вступал в общение с островитянином.

Все эти поручения капитан выполнил в точности. Крейсируя в указанных ему водах, он обнаружил на четвертые сутки непрерывных поисков неизвестный, отсутствовавший на мореходных картах остров. Его внешние очертания соответствовали полученному капитаном описанию.

«Орион» приблизился к нему ночью. С корабля сразу заметили сигнальный огонь, зажженный на голой вершине горы – на самой высокой точке острова. Рано утром островитянин, одетый в звериные шкуры, пытался подплыть к бригу в утлой пироге, но был предупрежден с капитанского мостика, чтобы он под страхом смерти не приближался к судну. Несмотря на столь негостеприимную встречу, островитянин показал, двигаясь на своей пироге впереди корабля, вход в единственную большую и очень удобную для стоянки судов бухту, о существовании которой капитан тоже был предварительно осведомлен.

Введя корабль в бухту, капитан вечером сел в шлюпку и отправился на берег, где его ожидал островитянин. Оставив гребцов в шлюпке и пояснив им, как ему было приказано, что этот островитянин – заболевший проказой пассажир, высаженный сюда с какого-то шедшего мимо судна, капитан углубился в лес, следуя за этим странным отшельником.

Зная, что моря и океаны полны всевозможных загадок и тайн, вникать в которые далеко не всегда бывает целесообразным, капитан не удивился, услышав чистую английскую речь своего необычайного спутника, и не задал ему никаких излишних вопросов.

Достигнув хижины островитянина, капитан вручил ему пакет от сэра Фредрика Райленда, а также письменные принадлежности для составления ответа. Оказалось, что этот таинственный анахорет находился уже на краю гибели: у него вышло из строя единственное ружье, кончились запасы и унесло в море сплетенную им сеть для ловли рыбы.

Отшельник рассказал далее, что этот безымянный остров, в отличие от других небольших островов Индийского океана с их бедным животным миром, изобилует крупными хищными зверями. В ответ на недоуменный вопрос Brentley, откуда на далеком острове появились звери с материка, островитянин пояснил, что еще лет пятьдесят назад в водах острова разбился своего рода «Ноев ковчег» – арабское судно, имевшее на борту живой груз для королевских зверинцев Франции и Испании. Следы этого судна, экипаж которого погиб, островитянин обнаружил среди скал северного побережья острова.

Дикие свиньи уничтожили огород островитянина. Он давно износил европейское платье и одевался в козы шкуры. У него не заживала нога, раненная на охоте за горным козлом, и не было никаких лекарств.

Утром следующего дня капитан прибыл за ответом и получил от островитянина пакет, запечатанный сургучом. Теперь, через одиннадцать недель после получения пакета, капитан Brentley смог наконец вручить его адресату.

Капитан закончил свой рассказ сообщением, что перед отплытием с острова матросы свезли на двух шлюпках и выгрузили на берегу все, в чем так нуждался островной житель и оба его товарища.

– Оба товарища? – с недоумением переспросил владелец поместья. – Разве он не единственный человек на острове?

– Он ничего не говорил о своих спутниках, но сама обстановка хижины навела на мысль, что в ней живут по меньшей мере три человека, а не один.

Хозяин дома нахмурился. Леди Эмили смотрела на него с нескрываемым злорадством.

– Эти люди так до конца и не обнаружили себя? – спросил он отрывисто.

– Нет, перед отплытием «Ориона» на вершине прибрежного мыса открыто показались все три островитянина. Они дружелюбно махали нам на прощание и долго кричали вслед кораблю, посылая проклятия одному страшному пирату по кличке Леопард. Вероятно, он и высадил их на этом острове. Впрочем, ведь вы и сами, сэр, должны были слышать о нем: он ходил помощником на «Черной стреле» и погиб, можно сказать, на ваших глазах.

– А смогли вы различить внешность этих людей?

– Несомненно, они тоже европейцы. Один из них был огромного роста. Больше ничего рассмотреть не удалось.

Владелец поместья с трудом удержался от проклятия. Злой, озадаченный, он встал, давая понять, что беседа окончена.

– Капитан, – сказал он глухим голосом, – вы отвечаете головой вашей за то, чтобы ни координаты острова, ни сведения об островитянах не пошли дальше этого кабинета. Комната для вас приготовлена под левой башней, но утром вы должны вернуться на корабль. Он станет в док на ремонт. Нужно спешно готовить его в дальний рейс. На этот раз вместе с вами на остров отправлюсь я. Через месяц мы должны выйти в море. Сократите команду до минимума. Человек пять-шесть матросов и офицеров вы примете дополнительно по моему указанию. Оружие на корабль доставлю сам. Попутные грузы берите только до африканских портов. В обратный рейс бриг будет грузиться на острове. Все приготовления к плаванию держать в тайне. Вы свободны, капитан Brentley!

5

Капитан удалился. Вошел камердинер, отнес в угол трубку, которую курил добрый моряк, и прибавил угля в камин, топившийся несмотря на летнее время. Владелец дома движением бровей услал слугу из кабинета и присел к письменному столу, молча вертя в руках карту острова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.